

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
Санкт-Петербургский государственный университет

Джимбеева Герел Анатольевна

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА НА ТЕМУ:
Политика джунгарского Галдана Бошогту-хана (1644-1697) в отношении
империи Цин**

Образовательная программа «Востоковедение и африканистика»/

Направление «Востоковедение и африканистика»

Профиль «История Монголии»

Научный руководитель:

Успенский Владимир Леонидович,
доктор исторических наук, профессор

Рецензент:

Попов Антон Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент

Санкт-Петербург
2018

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Приход к власти Галдана и первые годы его правления	
1.1. Галдан, первые годы жизни, обучение в Тибете и религиозная деятельность в Джунгарии (1644–1671 гг.).....	8
1.2. Участие Галдана в борьбе за власть в Джунгарском ханстве (1671-1677 гг.).....	12
1.3. Первые годы правления Галдана и начало установления контактов с империей Цин (1677-1688 гг.).....	15
1.4. Усиление Джунгарского ханства и формирование политики Галдана в отношении империи Цин в рамках концепции «буддийского правления» (1680-1688 гг.).....	20
Глава 2. Ойрато-халхасская война: противостояние Галдана и Цинской империи (1688-1690 гг.)	
2.1. Маньчжурская политика в Халха-Монголии, как причина начала военных действий.....	24
2.2. Ойрато-халхасская война (1688 г.).....	31
Глава 3. Ойрато-маньчжурская война (1690-1697 гг.)	
3.1. Принятие Тушэту-ханом маньчжурского подданства и начало ойрато-китайской войны. Подготовка к Долоннорскому съезду.....	38
3.2. Долоннорский съезд и подготовка Цинской империи к окончательному разгрому Галдана.....	43
3.3. Гибель Галдана как итог ойрато-китайского противостояния.....	47
Заключение.....	51
Список использованной литературы и источников.....	55

Введение

Галдан Бошогту-хан (1645-1697), глава Джунгарского ханства, в детстве он был объявлен перерожденцем известного ламы школы Гелуг — Энса-тулку, и вся его дальнейшая судьба должна была быть связана с буддизмом. Но после убийства старшего брата Сэнгэ в 1671 г. он снял с себя монашеские обеты и стал правителем Джунгарского ханства. В своей государственной деятельности он продолжал политику своего отца и старшего брата по объединению ойратов и монголов. В 1677 г. Галдан установил контакты с империей Цин, отправив свое первое посольство в Пекин.

Дальнейшие мероприятия хана Галдана, связанные с расширением его кочевой империи в сторону Халхи, столкнулись с экспансионистскими замыслами империи Цин в лице императора Канси. Планы Галдана по созданию объединенного ойрато-монгольского государства под эгидой Далай-лам Тибета стали значимой угрозой для существования империи Цин в Китае. Именно поэтому развернувшаяся борьба Галдана с Китайским государством оказала огромное влияние на все историю Центральной Азии.

Актуальность исследования связана с необходимостью проведения комплексного исследования политики Галдан Бошогту-хан в отношении Империи Цин в контексте борьбы за Халху.

Цель: рассмотреть политику Галдана в отношении империи Цин.

Задачи:

- рассмотреть биографию Галдана в контексте его взаимоотношений с империей Цин;
- осветить борьбу за власть в Джунгарском ханстве в период с 1671 по 1677 гг.;
- изучить первые контакты Галдана с империей Цин;
- рассмотреть причины конфликта между Джунгарским ханством и империей Цин;

- проанализировать причины ойрато-халхаской войны, и влияние на ход событий буддийских иерархов Тибета;
- рассмотреть кризис концепции «буддийского правления» и принятие Тушэту-ханом в подданства империи Цин;
- исследовать причины поражения Галдана в борьбе против императора Канси

Хронологические рамки исследования: вторая половина XVII в., определены поставленными задачами.

Территориальные рамки исследования обусловлены границами Джунгарского ханства и Китая, в том числе Внутренней Монголии, Кукунора и Тибета.

Историография вопроса

Время правления хана Джунгарского хана Галдана в истории Центральной Азии — это время ожесточенной борьбы ойратов и империи Цин-за доминирование над территорией Монголии. Процесс становления политики Галдана по отношению к империи Цин неразрывно связан с борьбой тибетских иерархов за проведение политики, независимой от маньчжуров. Активный внешнеполитический курс Галдана был продиктован на первых этапах необходимостью решения двух стратегических задач — привлечь дополнительные ресурсы и сплотить монгольские улусы в условиях борьбы с династией Цин. В дальнейшем стремление расширить и обезопасить свои границы, а также усложнившаяся геополитическая обстановка сделали Джунгарское ханство одним из активных игроков на политическом пространстве Центральной Азии. Этот во многом судьбоносный период для Центрально-Азиатского региона продолжает привлекать к себе внимание исследователей из разных стран.

Большой вклад в изучение вопросов истории внешней политики Джунгарского ханства в Центральной Азии внесли труды русских востоковедов о. Иакинфа (Н. Я. Бичурина), А. Леонтьева, С. Липовцева и др. Нисколько не умаляя их значения, необходимо отметить, что для трудов исследователей-первопроходцев характерно не критичное отношение к китайским источникам. В

исторических сочинениях дореволюционного периода можно проследить воспроизводство взглядов официальных китайских историографов на историю ойратов. Так, известный исследователь монгольской истории И. Я. Златкин, отдавая должное научным заслугам основоположника русской синологии Н. Я. Бичурина, пишет: «...китайские источники могут быть использованы лишь при условии объективного, научного, критического к ним подхода, а не путем простого их пересказа. Между тем некритическое отношение к источникам составляет основной недостаток трудов по истории монголов как Н. Бичурина, так и его продолжателей, игнорировавших историческую, политическую и социальную обусловленность китайских династийных хроник и отдельных сочинений по истории сопредельных с Китаем народов» [Златкин 1983: 5].

Фундаментальное исследование И.Я. Златкина «История Джунгарского ханства 1635–1758 гг.» во многом определило взгляды историков на основные события ойрато-цинских взаимоотношений [Златкин 1964]. На большом фактическом материале он проанализировал внешнюю политику Джунгарского ханства, столкнувшегося с экспансионистскими планами империи Цин. Он также проделал исключительно большой труд, с научной добросовестностью свел воедино все доступные ему сведения по истории Джунгарского ханства XVII–XVIII вв. и его взаимоотношениям с Китаем. Хотя отдельные места с учетом новых данных нуждаются в дополнении, все же труд И. Я. Златкина и в наше время по полноте сведений не утратил своего значения.

Одним из основных исследований ойрато-маньчжурских отношений является труд И. С. Ермаченко «Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в.». Опираясь на корпус китайских источников периода правления маньчжурской династии Цин в Китае, она показывает картину развития маньчжуро-монгольских отношений в XVII в. в контексте политики Галдана. К первым событиям, предваряющим эти отношения, автор относит подчинение «хулуньского объединения» [Ермаченко 1974: 171]. Автор отмечает, что отношения с монгольскими княжествами сыграли весомую роль в истории маньчжуров до и после образования империи Цин: «Возникшее как военно-

феодалное образование, государство маньчжуров в значительной мере укрепилось за счет завоевания княжеств Южной Монголии. Использование южномонгольских войск в войне против Минской империи облегчило маньчжурам овладение Китаем» [Ермаченко 1974: 175]. Причины успешной внешней политики маньчжуров по отношению к монголам автор видит в феодальной раздробленности и сопутствовавшей ей междоусобице в Монголии.

Большую работу по исследованию личности хана Галдана провел Е. И. Кычанов. Описывая события, связанные с его деятельностью, автор дает широкую картину политических и социально-экономических условий жизни ойратов той эпохи [Кычанов 1999]. Ярко и достоверно изображены раздиравшие ойратское и монгольское общества междоусобицы и постоянная борьба за власть, что вело к ослаблению и ойратов и монголов перед лицом угрозы, исходившей от цинского Китая, и в итоге во многом определило дальнейшие исторические судьбы монгольских народов. В полном соответствии с историческими фактами описываются ойрато-китайские отношения, дается их интерпретация и оценка.

Взгляды известного монголоведа Ш. Б. Чимитдоржиева на ойрато-маньчжурские отношения изложены в работе «Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII–XVIII вв.». В рамках марксистских принципов изучения исторических процессов раскрыты причины вхождения монгольских княжеств в империю Цин. Автор подчеркивает, что «внутриполитическая обстановка в Монголии благоприятствовала успеху маньчжурской экспансии» [Чимитдоржиев 2002: 11].

Таким образом, освещение вопросов политики Галдана в отношении империи Цин претерпело ряд значительных изменений в отечественной историографии. В трудах первых российских востоковедов воспроизводилась китайская версия исторических событий, содержащаяся в официальных («высочайше утвержденных», кит. циндин 欽定) китайских исторических сочинениях. Расширение источниковой базы, сопоставление данных с монгольскими, маньчжурскими, тибетскими текстами, смена парадигмы исследований показали всю сложность внутренней и внешней политики Галдана.

Методы исследования. Данное исследование носит междисциплинарный характер в связи с использованием информации по истории, религиоведению и политологии. В нем использованы следующие методы.

Исторический метод использован при анализе предпосылок, процесса возникновения и развития борьбы Галдана с империей Цин за доминирование над Халхой.

Типологический метод использован для унификации понятий при описании равнозначных явлений, объектов и процессов в ойратском и других обществах в целях получения корректных сопоставлений, без которых невозможно получение объективных результатов.

Сравнительный метод использован для анализа хронологической последовательности событий и оценки достоверности источников.

Практическая значимость заключается в выявлении новых аспектов внешней политики Галдана в XVIII в., а также в расширении источниковой базы, сопоставление данных с монгольскими, маньчжурскими, тибетскими текстами, смене парадигмы исследований.

Глава 1. Приход к власти Галдана и первые годы его правления.

1.1. Галдан, первые годы жизни, обучение в Тибете и религиозная деятельность в Джунгарии (1644–1671 гг.)

Джунгарское ханство было основано в 1635 г. Географически ханство располагалось в Центральной Азии на территории современного Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, Киргизии и части Казахстана. Ханство было образовано в результате объединения нескольких крупных ойратских этнополитических объединений. Первым главой нового кочевого государства стал Батур-хунтайджи (правил в 1635-1653 гг.).

Галдан родился в 1644 г в семье хана Батура-хунтайджи, его матерью была ханша Юм-Агас — дочь торгутского тайши Хо-Орлюка, основателя династии калмыцких ханов. Поэтому он находился в родственных отношениях с калмыцким ханом Аюкой. В семье он был шестым сыном. Сын хана Батура-хунтайджи был назван Галданом в честь крупнейшего из монастырей в Тибете. Галдан принадлежал к одному из самых знатных родов — Чорос. По наследованию ему предшествовали: Цэцэн — старший сын, Батор — третий сын и Сэнгэ — пятый сын. Цэцэн и Батор родились от одной жены Батура-хунтайджи, Сэнгэ и Галдан — от Юм-Агас [Кычанов 1999: 11].

Галдан был определен как четвертый перерожденец известного ламы школы Гелуг — Энса-тулку (Лобсана Тензин Гьяцо, 1605-1643/4 гг.) [Китинов 2004: 115]. Третий перерожденец Энса-тулку прославился как известный проповедник буддизма среди ойратов. О рождении нового воплощения известного буддийского иерарха в семье джунгарских владетелей существует красивая легенда, согласно которой Юм-Агас, жена Батура-хунтайджи попросила старого третьего Энса-тулку даровать ей сына. Но так как он был монахом, то он отказал ей. Тогда Юм-Агас попросила его, чтобы он возродился как ее сын, и тогда лама согласился [Schwieger 2015: 73]. Поэтому с самого своего рождения Галдан, как шестой сын хана и хубилган, готовился к карьере буддийского иерарха. Благодаря своему «удачному»

перерождению он мог стать даже настоятелем монастыря Ганден¹ [Чимидорджиев 2002: 35].

В феврале 1656 г. Галдан в сопровождении торгутского тайши Гомбо-Елденга встретился с Далай-ламой V. Через два месяца он прибыл ко двору Панчен-ламы, а по прибытии в Лхасу он стал именоваться Энса-тулку. В Тибете он оставался до 1666 г. и был всецело поглощен изучением буддийской философии по программе школы Гелуг, сначала под руководством Панчен-ламы, а с 1663 г. — самого Далай-ламы [Schwieger 2015: 73; Раднабхадра 1999: 56]. Будучимышленным мальчиком, он овладел тибетским языком и проявил незаурядные способности в изучении буддийской философии. По мнению Ш. Б. Чимидорджиева, его духовным учителем также был сам ойратский Зая-пандита [Чимидорджиев 2002: 35].

В 1653 г. умер Батур-хунтайджи, и на его похоронах присутствовал лично Зая-пандита, который участвовал в обряде кремации [Раднабхадра 1999: 72]. В результате разгоревшейся борьбы за власть ханом стал не старший сын Цэцэн, а пятый сын покойного — Сэнгэ, родной брат Галдана. Все обстоятельства этой борьбы до настоящего времени неясны. Однако, русский офицер И. С. Унковский, побывавший при дворе Цэван-Рабдана сообщал, что Батур-хунтайджи «при смерти» приказал считать Сэнгэ своим наследником и «большую часть людей ему вручил, а прочим детям по малому числу людей разделил» [Унковский 1887: 181]. Это сообщение подтверждает общее правило престолонаследия в кочевых государствах, когда хан при жизни выделял самый крупный улус в подчинение своему наследнику, чтобы лишить остальных своих детей возможности активной борьбы за престол. С этого момента Сэнгэ, уже при жизни Батур-хунтайджи, на правах сильнейшего был самым главным претендентом на престол. Видимо, немаловажную роль в продвижении Сэнгэ сыграла его мать Юм-Агас, которая, будучи дочерью Хо-Орлюка и сестрой калмыцкого хана Шукур-Дайчина, сумела путем интриг и угроз повлиять на решение о назначении Сэнгэ наследником. В

---

¹ Галдан и Ганден — разные чтения одного и того же тибетского слова.

дальнейшем, воспользовавшись поддержкой влиятельного хошутского тайши Очирту-Цецен-хана, Сэнгэ сумел захватить власть в ханстве [Кычанов 1999: 35].

В 1661 г. умер маньчжурский император Шуньчжи, его преемником стал малолетний Канси (1654—1722). Осенью 1662 г. умер крупнейший ойратский буддийский деятель Зая-пандита, который до самой смерти пытался примирить враждующих джунгарских тайшей. После его смерти жители Джунгарского ханства стали смотреть на Галдана, как на его прямого духовного наследника. Смерть Зая-пандиты и прямое родство Галдана с правителем Джунгарского ханства привлекли внимание Далай-ламы V, который усмотрел в этом возможность влиять на политику ханства через своего лично преданного ему воспитанника — буддийского священнослужителя Энса-тулку. Далай-лама V заявил ему: «Твои знания достигли пределов. Ты, возвратившись в свои родные кочевья, распространяй от наших имен среди всех говорящих на монгольском языке учение и свет!» (цит. по: [Чимитдорджиев 2002: 35]).

Среди прочего Галдан увозил из Тибета усвоенную им во время своего обучения концепцию «буддийского правления». Данная концепция называлась *chos srid* по-тибетски, *törü šasın* по-монгольски и *doro shajin* по-маньчжурски. На всех языках это словосочетание означает «государство и религия». Эта концепция понималась Галданом как «правление, следующее учению Далай-ламы» или «правление, следующее учению школы Гелуг». В глазах Галдана управление ойратами, монголами и тибетцами должно было осуществляться только в рамках учения Гелуг, ревностным защитником которого он стал.

Взаимоотношения со своим братом Галдан строил основываясь на концепции «двух порядков», которая отражала взгляды тибетских иерархов на светскую власть: «Все существа стремятся к спасению. Духовное спасение состоит в полном освобождении от страданий, мирское — в благополучии. Оба зависят от религиозного и мирского порядков. Первым ведаёт Лама, вторым — Правитель». Оба они равны друг другу, но у каждого свои функции [Кузьмин 2016: 51–52]

19 декабря 1666 г. Далай-лама проводил Галдана на родину. На прощание он даровал ему религиозное посвящение по укреплению жизни и подарил ему

комплект одежды ламы и другие подарки. Также Далай-лама подарил ему свои личные четки и повелел ему принести пользу буддийскому учению и делам государственного управления настолько хорошо, насколько он мог. После своего отъезда из Тибета Галдан по-прежнему рассматривался как распорядитель имущества Энса-тулку [Schwieger 2015: 73]. Смерть хана Батура-хунтайджи негативно отразилась на прочности центральной власти, сконцентрированной в руках тайшей из рода Чорос, усилив центробежные силы в среде тайшей Джунгарии и ее кыштымов² [Златкин 1983: 136]. Джунгарское общество оказалось расколотым на два лагеря: дети Батур-хунтайджи от его жены Юм-Агас (Сэнгэ и Галдан) и дети от остальных жен. Учитывая обстоятельства при которых Сэнгэ пришел к власти, он за все время своего правления так и не смог окончательно подавить все выступления недовольных родственников.

Год возвращения Галдана в Джунгарию до сих пор неизвестен, но известно, что уже в 1664 г. Галдан пребывал в Джунгарии на правах хутухты и активно участвовал в делах ханства. По сути, он возглавил всю буддийскую церковь в Джунгарском ханстве и на правах высшего буддийского иерарха деятельно занимался распространением буддизма в Джунгарии. Галдан открыл в Джунгарии три монастырские школы: Тарни-ин разанг, Ламрим разанг и Шабдан разанг [Кычанов 1999: 39].

Торговые связи Джунгарского ханства с Китаем в годы правления Сэнгэ оставались эпизодическими. Торговля велась, главным образом, с Россией и была сосредоточена в руках мусульманских купцов. По мнению И. Я. Златкина «отрицательное отношение владетельных князей Джунгарии к вопросу о контактах с Цинской династией было результатом влияния их первосвященника» Зая-пандиты, который занимал антиманьчжурские позиции [Златкин 1983: 150].

---

² Институт кыштымства – это форма внешней эксплуатации народов Центральной Азии и Южной Сибири. Кыштымами назывались племена, бывшие в подчинении более сильных соседей. Кыштымы несли по отношению к ним две повинности: уплату дани и выставление ополчений. Обращение мелких племен в кыштымов часто имело добровольный характер. Новые сюзерены, в частности Джунгарские ханы, обеспечивали охрану своих кыштымов и заботились о поддержании мира на их территории.

1.2. Участие Галдана в борьбе за власть в Джунгарском ханстве (1671-1677 гг.)

В 1671 г., по сообщению томского воеводы Н. А. Вельяминова в Сибирский приказ, спящего Сэнгэ убил ночью «брат ево родной Маатыр-тайши», а власть захватил Цецен (цит. по: [Златкин 1983: 151]). Галдан будучи младшим братом Сэнгэ, с учетом малолетства своих троих племянников, внезапно для себя оказался в роли первого претендента на престол в самый разгар развернувшейся междоусобной войны за власть в Джунгарском ханстве. У ойратов долгое время сохранялись пережитки лестничного права, и это, независимо от желания самого Галдана, вынуждало его вступить в борьбу за власть, чтобы не быть убитым своими братьями. Хотя мы не можем отрицать и элементарной жажды мести, но в любом случае у Галдана было лишь три пути: быть убитым своими братьями, бежать из ханства или вступить в борьбу за власть. Галдан выбрал третий путь, что неизбежно привело его к завершению деятельности в качестве буддийского священнослужителя.

Большое значение в этом выборе сыграла и позиция его матери. Ханша Юм-Агас не желала, чтобы звание правителя ханства перешло в руки убийц ее сына [Menggu zu tongshi 1989: 43]. Далай-лама узнал об этом 20 марта 1671 г., а через несколько месяцев после убийства брата Галдан получил разрешение Далай-ламы V сложить с себя духовное звание и стать светским человеком, после чего встал на путь борьбы за власть в Джунгарском ханстве. Сложив с себя монашеские обеты, Галдан смог открыто бороться против убийц своего брата. Примечательно, что после июля 1672 г. Галдан больше не упоминается в автобиографии Далай-ламы как Энса-тулку (до 1678 г. он упоминается как Галдан-хунтайджи, этот титул был ему пожалован Далай-ламой в 1672 г., вероятно, в качестве официального признания его главенства в ханстве) [Schwieger 2015: 73].

При поддержке своего союзника хошутского тайши Очирту-Цецен-хана Галдан возглавил оставшихся верными Сэнгэ и ему людей и разбил своих противников. У Сэнгэ остались два сына: Цэван-Рабдан и Соном Рабдан —

законные наследники. В последующий период Галдан и его племянники терпели друг друга, но, в конечном итоге, Галдан оказался сильнее, Соном Рабдан был отравлен по приказу Галдана, а Цэван-Рабдан бежал в Турфан, спасая свою жизнь [Митиров 1998: 125]. Этот конфликт с сыновьями Сэнгэ усилил Галдана, который захватил себе улусы Сэнгэ после бегства Цэван-Рабдана.

После этого Галдан породнился с хошутским Очирту-Цецен-ханом, взяв в жены его дочь Ану. Одновременно Галдан взял себе в жены и жену покойного брата Сэнгэ с явной целью обосновать преемственность власти, особенно в глазах прямого наследника Цэван-Рабдана, конфликт с которым был неизбежен. Галдан жил и действовал в стране, страдавшей разобщенностью, в которой не было твердой ханской власти. Он взял власть в такой стране и, видимо, стремился, объединить ойратов и монголов. Его многие последующие поступки свидетельствуют об этом.

Итак, Галдан стал почти полновластным ханом Джунгарии. Его появление на ханском престоле еще не вызывает никаких отрицательных эмоций у маньчжурского императора Канси. В 1672 г. он отправил в Пекин письмо, в котором просил принять посольство из Джунгарии и сохранить отношения империи Цин и Джунгарии на прежних основаниях. 4 февраля 1673 г. посол Галдана прибыл в Пекин, привез обычные подарки, традиционно именуемые китайцами «данью», и получил в ответ обычные дары. Все происходило по принятому ритуалу, а события в Джунгарии практически не нашли своего отражения в политике Китая, потому что в 1673 г. вспыхнул «Мятеж трёх феодалов» под руководством У Саньгуя, который провозгласил себя первым императором династии Чжоу [Мясников 1987: 241]. Император Канси был вынужден заниматься подавлением мятежа вплоть до 1681 г.

В том же году Галдан напал на своего дядю Чохур-Убаши. Дядя, второй сын Хара-Хулы, брат Батура-хунтайджи, сам претендовал на власть в ханстве. Воспользовавшись поездкой Чохур-Убаши к святым местам в Тибет, Галдан разорил его улус. Лишившийся улуса Чохур-Убаши бежал под защиту Очирту-Цецен-хана [Кычанов 1999: 62]. С этого года началось открытое противостояние

Галдана и его тестя Очирту-Цецен-хана, который и сам вознамерился возглавить всех ойратов. Дело в том, что титул хана Очирту-Цецен-хан получил в 1657 г. из рук Далай-ламы V. И с тех пор он считал себя всеойратским ханом, проводя свою политику исходя из этих представлений.

Весной 1677 г. у западных отрогов Алашаньских гор Галдан разбил Очирту-Цецен-хана. В плен попал и Очирту-Цецен-хан со всей своей семьей. Пленного хана по приказу Галдана казнили, а его жену Дорчжи-Араптан, родную сестру калмыцкого хана Аюки, отпустили к брату на Волгу вместе с их дочерью Цаган Ламой и подвластным ей улусом в 1000 кибиток. Видимо, Галдан не решился портить отношения с Калмыцким ханством, к тому же он приходился ей родственником по материнской линии [Батмаев 2002: 84]. В числе пленных Галдан также увел в Джунгарию несколько тысяч семей тибетцев и монголов.

Часть знатных пленников, дорогих доспехов и оружия он послал в том же году в Пекин в дар Канси. Император подарков не принял под тем предлогом, что это люди и вещи, добытые не в праведном деле, однако отношений с Галданом не прервал и каких-либо иных осуждающих его действия слов не произнес. Это был первый непосредственный контакт Галдана с Канси. [Мясников 1987: 243]. Интересно, что в научной литературе на долгие годы утвердилось мнение А. М. Позднеева о том, что политику Галдана в первые годы его правления отличала борьба против экспансии цинского Китая, вследствие чего Галдан напал на Очирту-Цецен-хана, который признал себя вассалом маньчжуров [Моисеев 1991: 49].

Разгром войск Очирту-Цецен-хана, пленение дяди Чохур-Убаши, казнь их сторонников и самого хана расчистили Галдану путь к власти. В 1677 г. он официально принимает титул хана, а не хунтайджи, который имел его отец, и становится единовластным правителем почти всех ойратов Джунгарии.

1.3. Первые годы правления Галдана и начало установления контактов с империей Цин (1677-1688 гг.)

Прекрасное образование полученное в Тибете и незаурядный талант политика Галдана привели к тому, что именно в годы его правления были заложены основы джунгарской кочевой государственности. По словам русского посла при Цэван-Рабдане И. С. Унковского: «Сей калмыцкой народ, до Боштуханова владения не под единой властью были, но многие особливые тайши над помянутыми народами властвовали, а Боштухан многих под свое владение привел» (цит. по: [Кушнерик 2008: 39]). Для успешного противостояния цинскому Китаю и России, а также удержания в повиновении народов Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана Галдану нужна была сильная власть. Джунгарское ханство стало превращаться в могучую кочевую империю, способную на протяжении многих десятилетий отбивать натиск Цинской империи.

Долгое время в советской историографии доминировала точка зрения о том, что Джунгарское ханство было основано в 1635 г., но в последнее время монгольские историки стали связывать это событие с приходом к власти Галдана. На основе изучения ойратских источников выдвигается версия появления ойратского государства только с приходом к власти Галдана, который сумел установить единоличное правление. После убийства своего брата заговорщиками он сумел подавить всех противников центральной власти в Джунгарии. Согласно монгольской летописи середины 19 века, «после этого все Четыре Ойрата (самые крупные этнополитические объединения ойратов) объединились и провозгласили Галдана ханом, преподнеся ему титул Бошогту-хан» [Санчилов 2015: 12]. Следовательно, начало полноценных межгосударственных взаимоотношений между ханством и цинским Китаем можно вполне обоснованно связывать с приходом к власти хана Галдана.

Успехи Галдана во внутренней и внешней политике не прошли незамеченными, и в 1678 г. Галдан удостоился титула хана от Далай-ламы V. [Словарь монгольской истории] Так, в автобиографии Далай-ламы упоминается,

что 2 июня 1678 г. он принял посланника, который был отправлен к Галдану для дарования ему печати и титула Галдан Тендзин Бошогту хана, а также различных подарков, таких «как полные [наборы] различных одежд и большой ларец для хранения документов, так что он будет заведовать правительственными [делами] Халхи [и] ойратов» [Schwieger 2015: 74].

Пожалование титула хана для Галдана имело далеко идущие последствия, в частности в деле размежевания между ойратами и халха-монголами. Исихама Юмико отмечала, что «Далай-лама присвоил титул хана человеку, от которого он ожидал большого вклада в дело усиления Гелугпа», но титулы хана почти всегда даровались ойратским тайшам. В XVII в. ойраты из раза в раз последовательно принимали сторону Далай-лам, а Далай-ламы поддерживали ойратов. В разные периоды близость к Далай-ламам выражалась в даровании ими титулов хана, которые в сочетании с добавлением слова Тендзин — «сторонник доктрины» обязывали ханов поддерживать буддийское учение Гелуг. Титулы Тендзина и хана были присвоены всего четырем людям: Гуши-хану, Даян-хану, Далай-хану и Галдан Бошогту-хану. Таким образом, в 1678 г. Далай-лама не просто назвал Галдана ханом, но и силой своей сакральной власти предоставил ему лидирующее положение среди всех ойратов и монголов в целом. По мнению Исихамы Юмико, дарование титула хана Галдану, в конечном счете, привело Галдана к конфликту и с халха-монголами и с цинским Китаем [Schwieger 2015: 75]. О своем новом статусе Галдан поставил в известность императора Канси. Чиновники Лифаньюаня³ установили, что «никогда такому примеру не бывало у ойратских владельцев», но, учитывая, что он прислал дары, Канси признал за Галданом новый ханский титул [Perdue 2005: 140].

В более ранние периоды халхаские ханы доминировали в распространении буддизма и пользовались поддержкой Далай-лам. В 1635 г. в семье Тушэту хана родился сын по имени Гомбодордж. В 1639 г. он был представлен третьему Энсатулку — пререинкарнации Галдана, который признал его перевоплощением

---

³ Лифаньюань — палата по делам вассальных территорий в Цинском Китае.

тибетского учителя Джебдзун Дампа Таранатхи (1575–1634 гг.) и посвятил в духовный сан. О важности признания сына Тушэту-хана хубилганом говорит тот факт, что его лично признали и Далай-лама и Панчен-лама. Впоследствии он стал известен как первый Джебдзун-Дамба-хутухта. Первый Джебдзундамба обучался только в течение двух лет (1649 по 1651) в Тибете. Поэтому он не оставался достаточно долго, чтобы установить тесные связи с Далай-ламой и Панчен-ламой, тем не менее, он успел познакомиться с Галданом.

Поскольку именно Гуши-хан позволил Гелуг получить власть над Тибетом, то верховные иерархи этой школы имели тесные отношения с ойратскими тайшами. В свою очередь, ойраты стали приверженцами учения Гелуг, что стало причиной того, что Далай-лама оказался единственным, кто имел право легитимизировать законную власть в монгольском мире путем присвоения титулов и печатей. Далай-лама рассматривался всеми правителями монгольского мира как авторитет, способный урегулировать конфликт [Schwieger 2015: 75].

В рамках концепции «буддийского правления» Галдан поставил перед собой важную задачу объединить монголоязычные народы Центральной Азии под своей властью, а также предотвратить надвигавшуюся цинскую угрозу. Это требовало мирных и дружеских отношений с русскими. В 1678 г. послы Галдана привезли в Россию письмо от своего хана с предложением, чтобы «пограничный соседственный союз держать и чтобы задоров на границах не было» [Кычанов 1999: 67].

В 1678 г. Галдан планировал подчинить себе кукунорских ойратов. Он обосновывал свои притязания на земли Куку-нора тем, что его предок Докшин-нойон участвовал вместе с Гуши-ханом в завоевании Куку-нора. Кроме того, женой Галдана была одна из дочерей казненного Очирту-Цецен-хана. Галдан известил цинские пограничные власти в лице Чжан Юна, что он имеет право на получение наследственной части в кукунорских владениях ойратов. Внешне не возражая притязаниям Галдана на Куку-нор, цинские власти предложили хошутскому правителю Куку-нора Далай-Батур-тайджи организовать оборону его владений, укрепили свои пограничные гарнизоны, создав таким образом угрозу для планов

Галдана по захвату Куку-нора. Столкнувшись с противодействием маньчжуров, а также с рядом других нерешенных проблем, Галдан отменил поход на Куку-нор.

В этот период произошло важное событие, оказавшее большое влияние на судьбу Галдана, когда в конфликт вмешался халхаский Тушэту-хан Чихунь-Дорчжи. Тушэту-хан находился в двойном родстве с ойратским Очирту-Цецен-ханом. Жена Очирту-Цецен-хана приходилась родной сестрой бабушки Чихунь-Дорчжи, а дочь последнего была замужем за Лубсан-Гомбо-Рабданом — племянником Очирту-Цецен-хана. Когда в 1677 г. Очирту-хан попросил помощи у Тушэту-хана против Галдана, то Чихунь-Дорчжи уклонился от помощи Очирту-Цецен-хану, но в 1678 г. для защиты сестры своей бабушки (вдовы Очирту-хана) он выслал отряд в 300 человек. Вдова Очирту-Цецен-хана к тому времени уже откочевала на Волгу к Аюке-хану, поэтому командир отряда Сэрэн-Даши ограничился тем, что ограбил караван Галдана, направлявшийся в Китай. По мнению Е. И. Кычанова, этот мелкий эпизод положил начало вражде Галдана с Тушэту-ханом, сыгравшей такую роковую роль в судьбе Монголии [Кычанов 1999: 67].

Став властителем Джунгарского государства, Галдан сразу же оказался втянутым в монгольские дела, которые он унаследовал от своего брата Сэнгэ. Ойраты оказались вовлеченными в неурядицы Халхи в начале 60-х годов XVII в. В 1661 г. умер Дзасакту-хан⁴ Норбу. В междоусобной борьбе за власть старший сын его Цу-Мэргэн был лишен престола, который достался Ваншуку — второму сыну покойного Норбу. В эти распри вмешался Алтын-хан — правитель хотохойтов Лубсан-тайджи. В 1662 г. он напал на Ваншука и убил его, а на престол посадил Цу-Мэргэна. Сторонники убитого Ваншука обратились за помощью к Тушэту-хану Чихунь-Дорджи, который разбил правителя хотохойтов. Разбитый Лубсан-тайджи бежал к Сэнгэ, но в течение недолгого времени между ними вспыхнул конфликт из-за данников — енисейских киргизов [Чертыков 2009: 124]. В войне 1666-1667 гг. ойраты уничтожили государство Алтын-ханов, а Лубсан-тайчи попал в плен.

---

⁴ Дзасакту-хан — почетный титул монгольского правителя западной части Халхи.

Приход к власти Галдана совпал с вмешательством цинского двора в дела Дзасагту-ханов. В 1670 г. на основании права жаловать титул Дзасакту-хана император Канси лишил Цу-Мэргэна этого звания и пожаловал титул Дзасакту-хана Цэнгуню. Новый Дзасакту-хан потребовал от Чихунь-Дорджи вернуть его подвластных людей, что привело к новой вражде между Дзасакту-ханом и Тушэту-ханом. Цэнгунь, ставленник цинского двора, пожаловался на Чихунь-Дорджи императору Цин и Далай-ламе V. Итак, многолетняя вражда и междоусобицы в Монголии стали поводом для последующего вмешательства в дела Монголии как Галдана, так и императора Канси [Кычанов 1999: 56].

Таким образом, Галдан укрепил Джунгарское ханство на международной арене, раздвинул его границы, установил порядок и законность, первым стал чеканить медные монеты, покорил значительную часть Средней Азии. Такое стремительное усиление ойратского государства создало предпосылки для будущего вмешательства Галдана в дела Монголии и противостояния с империей Цин.

1.4. Усиление Джунгарского ханства и формирование политики Галдана в отношении империи Цин в рамках концепции «буддийского правления» (1680-1688 гг.)

Благодаря распаду Могулистана для ойратов сложились благоприятные условия на юге. В источниках и литературе отсутствуют указания о столкновениях в это время между казахами и ойратами, что говорит об относительной стабильности на западе. В отношении Китая Галдан столкнулся политикой ограничения торговли с кочевниками, когда китайское правительство использовало ее как средство политического давления. Поэтому основными объектами внешней политики Галдана стали государства Восточного Туркестана. Воспользовавшись борьбой между религиозными группировками в Восточном Туркестане, Галдан в 1680 г. присоединил к Джунгарскому ханству этот богатый и развитый земледельческий край [Чернышев 1990: 51]. В результате политики Галдана в Восточном Туркестане были сохранены старая административная система и судопроизводство, а институт заложников обеспечивал стабильность позиций ханства. Не случайно во время войны Галдана с империей Цин ханство не потеряло своих позиций в Восточном Туркестане.

В китайских документах и материалах говорится, что в самом начале «Галдан подчинил себе уйгуров, установив [им] дань в сумме 26 тыс. танга. Кроме того, Кесек и Чокибеши сдавали деньги в размере около 26 тыс. танга, купцы и скотоводы сдавали около 20 тыс. танга. Сдавали также войлочные ковры, одежду и головные уборы. Помимо этого сдавалась 1/10 часть налоговых поступлений от торговцев золотом, медью от владельцев садов и уйгурских торговцев, продающих свои товары в пограничных зонах, а также 1/20 часть [налоговых поступлений] от торговцев из зарубежных стран» [Китайские документы и материалы ... 1994: 98]. Последующие завоевания в Средней Азии обеспечили Галдану прочную экономическую базу для расширения и усиления Джунгарского ханства. К тому же Галдан в своих завоеваниях умело использовал трения между разными исламскими течениями (например, в Хотане, где хан поддержал противников так называемых

«черных колпаков» — «белых колпаков»). Мусульмане активно использовались в государственных и даже религиозных (в составе посольств в Тибет) делах Джунгарии. Л. Петех писал: «Удивительно видеть мусульманина в составе большой ламаистской миссии, чья цель была в основном религиозной. Это яркий пример взаимопонимания, царившего между различными религиями Центральной Азии в тот период» (цит по: [Китинов 2004: 129]).

Император Канси, так описывал успехи своего противника: «Галдан уже разбил мусульманские владения Самаэрхань [Самарканд], Буха-эр [Бухару], Хасакэ [Казахстан], Булутэ [Киргизию] Еэрцянъ [Яркендское ханство], Хасыхаэр [Кашгар], Сайдам [Сайрам], Ту чуфань [Турфан], Хами. [Число] подчиненных им в [ходе] войны городов составляет более 1200. Следовательно, [Джунгарское ханство] является государством, взявшим за обычай воевать» (цит. по: [Китайские документы и материалы ... 1994: 58-59]).

А. И. Чернышев писал, что «при Галдане довольно успешно развивались взаимоотношения ханства с соседней Россией. Но Русское государство, в силу малочисленности населения в приграничных с Джунгарией районах, не могло обеспечить потребности ойратов в сельскохозяйственной и ремесленной продукции. Тем не менее, русско-джунгарские отношения стали принимать более упорядоченный характер и осуществлялись уже между государствами, а не только с отдельными тайшами». На первый план во взаимоотношениях вышел вопрос о сферах влияния в Сибири, но цинская угроза заставила Галдана изменить политику и уже искать союза с Русским государством [Кушнерик 2008: 73]. В 1679 г. в Москве джунгарский посол Себевди-ходжа заявил, что «Галдан-тайша с людьми царского величества ссор никаких не желает, для того и его, посланца, к великому государю послал бити челом, чтоб про то разыскать, кому от кого обиды чинят» (цит по: [Боронин 2002: 88]).

В 1682 г. в возрасте 68 лет скончался Далай-лама V, но глава правительства Тибета Сангье Гьяцо скрыл факт смерти Далай-ламы. О смерти Далай-ламы знало только самое близкое окружение Сангье Гьяцо. По разным версиям, он решил скрыть смерть Далай-ламы V, чтобы избежать разногласий в поисках нового

перерожденца, а также сложной обстановки в монгольском мире. Новый тайный глава Тибета сыграл решающую роль в истории Джунгарского ханства, Сангье Гьяцо оказывал всемерную поддержку Галдану, как правителю, следующему учению школы Гелуг [Кычанов 2005: 79].

Следует отметить, что регент Сангье Гьяцо, действовавший от имени умершего к этому времени Далай-ламы V, всецело придерживался идеи, чтобы тибетцы, монголы и ойраты управлялись правителями, которые бы следовали «учению школы Гелуг». По мнению ряда западных ученых, эта концепция стала главной причиной ойрато-халхасской и ойрато-китайской войн в течение 1688–1697 гг.

Во многом, причины противоречий между Галданом и цинским Китаем крылись в концепции «буддийского правления». Эта концепция понималась Галданом как «правление, следующее учению Далай-ламы» или «правление, следующее учению школы Гелуг» [Schwieger 2015: 71]. В глазах Галдана управление ойратами, монголами и тибетцами должно было осуществляться только в рамках учения Гелуг, ревностным защитником которого он стал.

Тибетские иерархи были категорически против подчинения халхасов Китаю, и когда Канси сумел добиться своих первых успехов на поприще усиления влияния на Халху, это стало причиной войны между Галданом и Канси. Регент Сангье Гьяцо, который все эти годы действовал от имени умершего Далай-ламы V, был ответственным за политические дела Тибета с монголами и Цинской империей, когда поддержал Галдана в его вторжении в Халху. По мнению Сангье Гьяцо, переход халхасцев в цинское подданство создавал угрозу для влияния Тибета на монголов. По всей видимости, немалая доля ответственности за вторжение Галдана в Халху, и последовавшую за ним ойрато-китайскую войну, лежит на регенте, который сознательно провоцировал прямое столкновение между ойратами и Цинской империей. В этой борьбе концепция «буддийского правления» потерпела крах в лице его главного выразителя — Галдана Бошогту-хана.

Многолетние междоусобицы в Халхе разжигаемые Цинской империей сделали их достаточно легкой жертвой для войск Галдана, поэтому одним из

мероприятий китайского императора по ослаблению внутривнутриполитических и экономических позиций Галдана в 1683 г. стало ограничение торговли в приграничных городах, обязывая пограничную стражу пропускать на территорию Китая только 200 человек для переговоров и торговли [Златкин 1964: 174–175]. Уже в 1684 г. китайские власти не пропустили на территорию Китая три тысячи человек джунгарской торговой миссии, которые следовали для торговли.

Глава 2. Ойрато-халхасская война: противостояние Галдана и Цинской империи (1688-1690 гг.)

2.1. Маньчжурская политика в Халха-Монголии, как причина начала военных действий

Маньчжуры использовали раздробленность Монголии, подкупали одних монгольских князей, завоевывали других и в первые десятилетия XVII в. подчинили себе Южную Монголию, которая стала называться Внутренней Монголией, в отличие от княжеств северной и западной частей страны, остававшихся независимыми и получивших наименование Внешней Монголии (халха) [Скрынникова 1988: 7]. Захватив Южную Монголию, маньчжуры активизировали свои попытки подчинения халхасских княжеств (Северная Монголия), которые еще 50 лет сохраняли свою независимость.

Однако правильно ли будет говорить о непосредственном участии правителей Цинской империи в возникновении военного конфликта между ойратским ханом Галданом и халхасскими феодалами. На этот счет у исследователей нет однозначного мнения. По мнению А. Позднеева, дело было «в личных качества Галдана и его стремлении к власти над Халхой» (цит по: [Ермаченко, 1974: 122]). И Я. Златкин считал, что военное столкновение между Галданом и Тушэту-ханом было выражением конфликта между «панламаистскими устремлениями отдельных кругов в Тибете и экспансионистскими планами маньчжурских и китайских феодалов». Он писал, что считает Галдана не автором и творцом этих событий, «сколько исполнителем воли и планов других, гораздо более могущественных сил, стремившихся к образованию независимого от Цинской династии объединенного монгольского государства, которое включало бы в себя все или почти все районы с населением, говорившим на монгольском языке и исповедовавшим ламаистскую религию. Центр и главный штаб этих сил находился в Лхасе, в ближайшем окружении Далай-ламы» [Златкин, 1964: 237–238]. Авторы «Истории Монгольской Народной Республики» прямо указывали на то, что ойрато-халхасская война 1688 г., закончившаяся разгромом халхасских

князей, была спровоцирована маньчжурами [История 1967: 177]. По мнению И. С. Ермаченко, цинское правительство не было заинтересовано в возникновении военных действий в Северной Монголии, так как они могли создать опасность ослабления достигнутого в Халхе цинского влияния и помешать использованию его в своих интересах на внешнеполитической арене [Ермаченко, 1974: 123]. Отдельно надо упомянуть, что кроме Галдана и Канси в борьбе за Халху всегда незримо присутствовал Далай-лама, в лице регента Сангье Гьяцо, которого многие ученые считают влиятельным игроком равным первым двум [Хишигжаргал 2015: 22].

По нашему мнению, независимо от причин будущего конфликта между Галданом и Китайской империей, усиление Галдана, который пытался воспользоваться раздорами в среде халхаских феодалов, должно было в любом случае привлечь внимание цинских правителей. Получив твердую экономическую базу снабжения в Восточном Туркестане и видя в империи Цин опасного противника, Галдан-хан решил укрепить положение своего государства за счет присоединения Халха-Монголии. В своем желании доминировать над Халхой Галдан столкнулся с противодействием маньчжуров.

Со второй половины XVII в. деятельность Галдана стала все более внушать опасения у цинского императора. Объединенное ойрато-монгольское государство могло в перспективе стать угрозой для Китайского государства и маньчжурской династии, а также затрудняло планы Китая по подчинению ойратов и монголов своей власти. Объединительная политика Галдана носила явную антиманьчжурскую направленность обусловленную его воспитанием и негласной поддержкой тибетских иерархов, которые желали создать единое ойрато-монгольское ханство под эгидой далай-ламы, чтобы избавиться от постоянных вмешательств Китая во внутренние дела Тибета.

Не желая дальнейшего усиления Галдана из-за противоречий между халхаскими Дзасакту и Тушэту ханами Канси принял решение примирить двух ханов. С этой целью был инициирован съезд, куда, по мнению академика Ш. Нацагдоржа, отправлялись «послы Канси с замаскированной целью

разведывать внутреннее положение Халхи и Ойратии и привлечь их на свою сторону» (цит. по: [Хишигжаргал 2015: 22]). В марте 1684 г. к Далай-ламе V был направлен чиновник с императорским посланием, в котором говорилось, что все халхаские ханы поклоняются Далай-ламе и следуют его законам, сам же Далай-лама всегда выражает искреннюю почтительность в отношении Цинской империи и приносит дань ко двору цинского императора. Канси выражал свою озабоченность тем, что люди Дзасакту-хана рассеяны по Халхе, а это, по мнению императора, вело не только к страданиям народа, но и к опасности возникновения раздоров и войны. Послание заканчивалось предложением Далай-ламе V направить в Халху одного из высших лам, который вместе с маньчжурским послом, мог бы примирить Дзасакту-хана и Тушэту-хана [Ермаченко 1984: 120].

В октябре 1685 г. Сангье Гьяцо от имени Далай-ламы V сообщил цинскому императору, что согласно императорскому указу он направил в Халху ламу Галдан-ширету, чтобы он совместно с маньчжурским послом примирил халхаских ханов. Император приказал, что наиболее удобным временем прибытия для Галдан-ширету на примирительный съезд будет следующий год. Одновременно к десяти крупнейшим халхаским феодалам, в том числе к Дзасакту-хану и Тушэту-хану, Цэцэн-хану и Джебдзун-Дамба хутухте, был направлен указ императора, в котором он упрекал халхаских феодалов в нарушении мира и заканчивался призывом: «Вы, ханы, джинонги, нойоны, тайджи, откажитесь от прежней ненависти, верните народ и родственников прежним дзасакам, помиритесь и живите, как прежде, спокойно!» [Ермаченко 1984: 120].

Один из первых подчинился указанию императора прибыть на съезд был Джебдзун-Дамба хутухта, что стало примером для остальных монгольских феодалов. 23 сентября 1686 г. на съезд в местности Хурэн бэлчир прибыли все халхаские ханы, джинонги и тайджи обоих крыльев. Внешне съезд как будто имел успех: Дзасакту-хан и Тушэту-хан перед образом Будды, посланцем Далай-ламы Галданом-ширету и верховным халхаским ламой Джебдзун-Дамба хутухтой произнесли клятву вернуть прежним хозяевам захваченные семьи простолюдинов и жить в мире и согласии. Стремясь закрепить успех и свое влияние в Халхе,

цинское правительство поспешило назначить наследником титула умершего Цэцэн-хана его старшего сына Илдэн-Арабтана. И все же, несмотря на видимый успех съезда, его последствия в действительности были весьма незначительными; и после съезда в Халхе не прекращались междоусобицы.

Кроме того, сам Галдан не смирился с фактом возросшего влияния после съезда императора Канси на Халху. В результате длившейся много лет распри между Дзасакту-ханом и мелкими феодалами правого и левого крыльев Халхи не прекратились после Хурэнбэлчирского съезда 1686 г., на котором Тушэту-хан и Дзасакту-хан поклялись сохранять мир. Галдан активно разжигал новые конфликты находя себе в Халхе новых союзников в лице Дзасакту-хана и других крупных феодалов правого крыла недовольных грубым вмешательством Канси во внутренние дела Халхи. Примечательно, что в своем письме, зачитанном на съезде, он прямо угрожал всем, кто осмелится нарушать приказы Дзасакту-хана, что они будут признаны мятежниками против религии, [и с ним поступят] так же, как с Лубсаном тайджи [Лубсан-тайчжи]» (цит по: [Ермаченко 1984: 123]). Это лишний раз подтверждает проведение политики Галданом в рамках концепции «буддийского правления». Галдан прекрасно понимал, что политика маньчжурского двора преследовала давнюю цель – использовать сложившуюся обстановку для подчинения Халхи и включения ее в состав Цинской империи, подобно тому, как первые маньчжурские правители использовали междоусобицы в среде южномонгольских феодалов для завоевания Южной Монголии.

В данный момент нет прямых доказательств и фактов о согласованной политике Галдана и регента Сангье Гьяцо, который действовал от имени умершего Далай-ламы V, но очевидно, что он пользовался всемерной негласной поддержкой тибетских иерархов. Строгое следование Галданом концепции «буддийского правления» привело к тому, что в народной памяти причины ойрато-китайского конфликта всегда связаны с «защитой желтой веры», а сам Галдан обычно позиционируется как хранитель и распространитель буддизма среди ойратов. Так, в «Истории происхождения монголов» указывается, что «хошутский лама по имени

Начин Онбо, сделав ложное пророчество (предсказание), побудил Галдана начать войну, и тот растратил свои силы» [Санчилов 2014: 9].

Уже в июле 1687 г. Тушэту-хан представил цинскому императору доклад, в котором сообщал, что получил от ойратского хана Галдана письмо с обвинениями в адрес Джебдзун-Дамба-хутухты. Галдан обвинял его в том, что на Хурэнбэлчирском съезде в ноябре 1686 г. он поставил себя в одинаковое положение с посланцем Далай-ламы Галданом-ширету и тем самым оскорбил в его лице самого Далай-ламу. Далее Тушэту-хан сообщал, что до него дошли слухи: «Сейчас [мы] слышали, что Галдан направил своего подданного Цэцэн-убаши с приказом правому крылу собраться на съезд». До Тушэту-хана также дошли известия о движении войск Галдана от южного склона гор Алтай до местности Саньхэгээр, и о том, что Дзасакту-хан также передвинул свои войска и соединился с Галданом [Ермаченко 1984: 123]. Доклад Тушэту-хана заканчивался тем, что он начинает подготовку к войне.

Канси решил послать указы с предписанием прекратить военные действия к враждующим сторонам. Одновременно он решил обратиться к Далай-ламе, чтобы и он, со своей стороны, направил посла к халхасцам и ойратам с таким же намерением [Ермаченко 1984: 125]. Однако, отношения, существовавшие к этому времени между Цинской империей и ханом Галданом не выходили за рамки посольских связей и не позволяли цинскому правительству надеяться на благоприятные результаты своего послания к Галдану.

Более того в своем ответе Тушэту-хану Канси исповодь выразил недоверие к достоверности сообщенных сведений; поэтому Тушэту-хану было приказано соблюдать данную ранее клятву о мире. Такая позиция маньчжурского императора объяснялась, по-видимому, не только сомнениями в правдивости Тушэту-хана, находившегося длительное время в напряженных отношениях с Дзасакту-ханом, но и прямой угрозой возникновения военного конфликта между Галданом и халхаскими феодалами, к которому цинское правительство не считало себя пока подготовленным. Однако отосланный Тушэту-хану приказ императора соблюдать

клятву о мире, уже никак не мог повлиять на ход событий в Халхе, зависевший от других причин.

Впрочем политика маньчжурского двора и не была направлена на мирное разрешение конфликта. Видимо, Канси решил использовать сложившуюся обстановку для окончательного подчинения всей Халха-Монголии и включения ее в состав Цинской империи, подобно тому как первые маньчжурские правители, использовали междоусобицы в среде южномонгольских феодалов для завоевания Внутренней Монголии. Позицию цинского двора в данном случае можно было охарактеризовать как пассивное выжидание того момента, когда халхасы окажутся в безвыходном положении и им можно будет диктовать свою волю (что и случилось впоследствии). Поэтому Канси настойчиво стремился завуалировать истинные мотивы своих действий словами о мире, о благоденствии всех народов и пр. Канси даже запретил всем своим вассалам оказывать военную помощь Тушэтухану. Кроме того, Канси уже давно вел активные переговоры с другим претендентом на Джунгарское ханства — Цэван-Рабданом, обещая ему поддержку в случае его выступления против Галдана. Эти тайные переговоры в будущем привели к гибели Галдана.

Важным фактором в ослаблении позиций Галдана, по-прежнему, оставался запрет императора на торговлю с Джунгарским ханством. В 1688 г. к хану прибыло китайское посольство во главе с чиновниками Байри и Ацитуем, которые привезли ему письмо от Канси и преподнесли богатые подарки. Основной просьбой Галдана к императору стало разрешение «в купечестве свободное отправление». Запрещение торговать скотом в приграничных городах достаточно сильно ударило по материальному благополучию джунгарской аристократии, что вызвало недовольство «его фамилии братьев и тайдзи», которые винили в потере торговых отношений исключительно Галдана [Златкин 1964: 183].

Надо отметить что все годы правления Галдана император Канси не мог активно противодействовать росту влияния Джунгарского ханства, т.к. сначала был занят сначала подавлением «мятежа трех феодалов», затем главной политической задачей стало решение «проблемы русских на Амуре». В 1684—

1689 гг. прошел последний этап пограничных русско-цинских столкновений в борьбе за Приамурье [Мясников 1987: 242]. Но по окончании Албазинской войны император Канси мог более активно вмешиваться в дела Халхи.

2.2. Ойрато-халхаская война (1688 г.)

Начало вторжения Галдана в Халху было связано с военным нападением монголов на российские территории. Неразрешенный вопрос двоеданнической ситуации в Байкальском регионе привели Тушету-хана к мысли о решении проблемы исключительно военными средствами. В 1687 г. было принято общее решение зимой-весной 1688 г. перейти границы и осадить, а затем взять штурмом остроги, чтобы окончательно изгнать русских с территории Прибайкалья. Монгольские войска должны были ударить по трем направлениям: войска Гэлэг-нойон-хутухты — по острогам Западной Бурятии, Сэцэн-хана — по нерчинским острогам, а Тушету-хана — по селенгинским [Цонгоол 2011: 47].

Узнав про эти планы Галдан решил напасть на Халху, воспользовавшись планируемым уходом монгольских войск в Прибайкалье. Но из-за целого ряда случайностей большая часть монгольских войск не сумела до русских острогов. Так, из-за больших снегопадов войска Гэлэг-нойон-хутухты не смогли перевалить Окинские хребты, а войска Сэцэн-хана не вышли в поход из-за внезапной кончины Сэцэн-хана. Только войскам Тушету-хана под предводительством его брата Шидишири баатар-хунтайджи удалось напасть на селенгинские остроги [Цонгоол 2011: 47]. Последовавшее известие о вторжении Галдана в Халху заставило монгольские войска возвратиться обратно. Войска Гэлэг-нойон-хутухты не сумевшие перейти Окинские хребты на обратном пути случайно наткнулись на войска кыргызов под командованием владельца Еренака Ишеева, которые двигались в Халху в качестве союзников ойратского Галдана Бошогту-хана. В завязавшемся сражении с «киргискими владельцами Еренаком с товарищи» военная удача была стороне монголов «и самого ево Еренака и с ним 500 человек ево побили» (цит. по: [Цонгоол 2011: 44]).

В 1688 г. Джебдзун-Дамба-хутухта сообщил о критическом положении в Халхе: Галдан, возглавив войско в 30 тыс. человек и объединившись с Дзасакту-ханом, вторгся в Халху. Военные действия в Халхе начались нападением Тушэту-хана на ойратскую разведку. Тушэту-хан получив сообщение о том, что младшие

братья Галдана, Дорджиджаб и Гунчжан-Туньбу, устроили разведывательный набег на Халху, преследовал их и в сражении даже сумел убить Дорджиджаба. Затем к нему прибыл посол от Сангье Гьяцо, который от имени Далай-ламы V сказал: «Император и Далай-лама повелели Вам помириться с ойратами» (цит по: [Ермаченко 1984: 126]). Подчинившись, Тушэту-хан отступил, чтобы вступить в переговоры. Однако Галдан не остановился и дошел до местности Темур, где разбил в сражении сына Тушэту-хана. Войска хана Галдана ограбили население Эрдэни дзу и достигли мест, отстоявших от кочевий Джебдзун-Дамба-хутухты всего лишь на один день пути [Ермаченко 1984: 131]. В Халхе возникла паника: Джебдзун-Дамба-хутухта и многие халхаские феодалы бежали на юг к китайской границе, под защиту императора Канси. По мнению Милварда, вторжение Галдана в Халху стало прямой провокацией цинского императора [Millward 2007: 91].

Сангье Гьяцо обвинил Джебдзун-Дамба-хутухту в ложных взглядах, которые привели к неправильному руководству и угрозе учению Гелуг. Галдан же получил высокую оценку за его ежегодные приношения молитв для продления жизни Далай-ламы и за распределения пожертвований монахам монастырей Сера и Дрепунг. Он был в особенном почете у регента, после того как предложил Нгари (Западный Тибет) и Яркенд Далай-ламе V. Особую выгоду Сангье Гьяцо получил после завоевания Галданом Яркенда в 1680 г., в виде даров, которые были направлены Далай-ламе после этого. По мнению Сангье Гьяцо, именно халхасы были ответственны за военные действия между ними и ойратами [Schwieger 2015: 76]. Примечательно, что Канси пользовался поддержкой со стороны правительства Далай-ламы V, но всегда подозревал его в том, что оно больше симпатизирует Галдану [Perdue 2005: 138]

Поскольку Китай не был страной, в которой было распространено учение Гелуг, то для Сангье Гьяцо стало неприятным фактом, то что в октябре 1688 г. халхасы бежали в Цинскую империю. По этой причине регент Сангье Гьяцо настаивал на том, чтобы халхасы поселились в месте, независимом от Китая. Также он требовал, чтобы Джебзундамба-хутухта и его брат Тушэту-хан были выселены. Он считал их угрозой для учения Гелуг, обвиняя их в нарушении спокойствия и

отсутствии уважения. Примечательно, что обвинения регента полностью соответствовали обвинениям Галдана о поведении Джебдзун-Дамба-хутухты и его брата на съезде 1686 г. [Кычанов 2005: 79].

Военные действия в Халхе и массовое бегство халхасов, среди которых был Джебдзун-Дамба-хутухта, к границам Цинской империи поставило перед маньчжурским правительством задачу как можно скорее определить свои дальнейшие позиции в халхаском вопросе, учитывая создавшуюся ситуацию. Император Канси приказал членам Государственного совета подробно обсудить сложившееся положение и выбрать один из двух возможных вариантов действия: либо впустить за линию маньчжурских караулов бежавших под натиском ойратских войск халхасов, либо отказаться принять их и, усилив свои караулы, постепенно продвигаться к местностям, занятым халхаскими беженцами под жительство.

Решение Государственного совета, утвержденное затем императором, вполне отвечало тактике выжидания. Оно гласило, что следует отложить принятие решения на один месяц и только собрав сведения о положении дел, еще раз обсудить вопрос о мерах по отношению к бежавшим халхасам. Воздерживаясь от каких-либо действий, Цины усиливали тем самым нажим на халхаских феодалов и главным образом на Джебдзун-Дамба-хутухту, который пользовался авторитетом среди монгольских феодалов как глава халхаского духовенства. Хотя маньчжурские чиновники опасались отказом впустить за линию маньчжурских караулов беженцев оттолкнуть от себя халхаских феодалов, но в то же время цинское правительство задерживая приказ о пропуске халхаских беженцев на территорию империи, вынуждало крупнейших халхаских феодалов согласиться на полный отказ от политической независимости и на вхождение в состав Цинской империи.

Цинское правительство дало понять халхаским феодалам в лице Джебдзун-Дамба-хутухты, что в условиях текущей русско-китайской войны за Приамурье оно не сможет оказать им военную помощь в борьбе с Галданом. Однако, используя тяжелое положение, в котором оказались халхаские феодалы, цинское

правительство открыто выдвинуло условие, при выполнении которого халхи могли рассчитывать на поддержку Цинов — вхождение Халхи в состав империи Цин. Этим Канси впервые откровенно дал понять халхаским феодалам, что им не окажут военную помощь в борьбе с Галданом. Интересно, что цинские власти обошли полным молчанием тот факт, что крупнейшие феодалы Восточной Халхи, в свое время принесли клятву в дружбе и союзе с империей Цин и таким образом имели все основания надеяться на военную помощь со стороны маньчжуров.

В свою очередь позиция Галдана в этом конфликте заключалась в том, что цинское правительство должно дистанцироваться от сугубо внутреннего конфликта между ойратами и халхасами, связанного всего лишь с желанием Галдана покарать Тушэту-хана и Джебдзун-Дамба-хутухту за оскорбление Далай-ламы. Джунгарские послы передали цинскому правительству заявление Галдана, что в случае если Джебдзун-Дамба-хутухта изъявит желание перейти под руку цинского императора, маньчжурским властям следует либо не принять его, либо схватить и выдать Галдану. Также послы требовали установить между Джунгарией и Китаем торговые отношения [Модоров 2009: 37].

Сангье Гьяцо открыто поддержал Галдана, когда отправил в Пекин своего посланца и просил Канси для прекращения конфликта выдать Галдану Тушэту-хана и Джебдзун-Дамба-хутухту. Канси отказал и в свою очередь просил Сангье Гьяцо повлиять на Галдана, чтобы он принял цинское подданство [Кычанов 2005: 79]. Столкнувшись с твердой позицией ойратского правителя, Пекин отправил в конце 1688 г. посольство к Галдану, которое привезло ему условия для прекращения войны в Халхе. Хан должен был «смириться» и получить в обмен право на торговлю с Китаем. Галдан на встрече с китайскими послами заявил им, что не считает халхаское население своими противниками, кроме Тушету-хана и Джебдзун-Дамба-хутухты, которые «нарушили священные законы Дзонхавы и указы Сюань Е», убили несколько нойнов Халхи и его младшего брата. Галдан также обратил внимание послов на желательность разрешения торговли джунгарских купцов в Китае [Златкин 1964: 184].

Обращение Галдана цинский двор использовал для нового нажима на Джебдзун-Дамба-хутухту, который заявил: «Его величество император всегда оказывал мне помощь. Сейчас, испытывая такое чувство, как если бы мне распорол внутренности, я продолжаю существовать, также лишь опираясь на помощь Небесной династии» (цит по: [Ермаченко 1974: 135]). Однако, хутухта уклонился от прямого ответа заявив, что монголы могут отблагодарить императора за проявленную заботу лишь вознесением молитв в честь Канси. Лишь позже Джебдзун-Дамба-хутухта оправдал все надежды Канси, когда изъявил желание стать подданным Цинской империи.

Тушэту-хан еще раз обратился к цинскому правительству с просьбой оказать ему военную помощь в борьбе с Галданом, но продолжая свою политику невмешательства, император отказал Тушэту-хану в его просьбе о помощи, чем по сути обрек его поражение. Не помогла даже ссылка на то, что Тушэту-ханы регулярно платили дань из «девяти белых» ко двору императора. Государственный совет, обсуждавший обращение Тушэту-хана с просьбой о помощи, отверг этот аргумент под тем предлогом, что «ойраты и халхасы до сих пор почтительно подчинялись, из года в год приносили дань. Ныне ойраты говорят, что халхасы действуют неправильно. Халхасы также утверждают, что ойраты неправы». Исходя якобы из соображений «высшей справедливости» и стремясь «не отдавать предпочтения» ни одной из сторон, маньчжурские сановники решили не посылать войска ему на помощь, но указали ему, что Галдан не посмеет напасть на него если он перейдет подданство цинской династии.

28-29 августа 1688 г. в окрестностях озера Олохуй-нор произошло сражение между войсками Тушэту-хана и хана Галдана. Халхасы «закрепились в его крепких местах», лишили тем самым джунгарскую конницу своего преимущества, которым она владела на открытом пространстве. Галдан начал штурм «земляных укреплений халхасцев» силами пехоты, вооруженной огнестрельным оружием. Через четыре дня штурма монголам стало «невмоготу» и они стали разбегаться. Тушэту-хан бежал к Джебдзун-Дамба-хутухте на границу с Китаем [Модоров 2009: 58]. Оказавшись в безвыходном положении, Тушэту-хан и Джебдзун-Дамба-

хутухта обратились к маньчжурскому императору с просьбой принять их с людьми в подданство.

Весь 1689 г. хан Галдан и император Канси обменивались дипломатическими миссиями пытаясь добиться друг от друга более выгодных условий. Так, в начале 1689 г. Канси отправил Далай-ламе и Галдану послания, в которых убеждал их примириться с Тушэту-ханом и Джебдзун-Дамба-хутухтой, обещая их примерно «жесточайшими словами» наказать. «Мы к вам, — писал Канси, — сего ради нарочно с нашим указом посольство отправили, дабы вы, оставя прежнюю между вами ссору, друг с другом купечество имели, каждый из вас свои земли оберегал, и обще все, уничтоживши войну и ссору, пребывали в миру и согласии». В противном случае император угрожал Галдану полным прекращением торговли «купечеству их вся дорога пресечена будет, и потому они, элеты, всю свою пользу потеряют, ежели Галдан сего нашего указу не послушает» [Златкин 1964: 185].

По сути, Канси предлагал Галдану смириться с тем фактом, что империя Цин полностью пожала плоды всех его военных успехов и привела Халху в китайское подданство, в обмен давая лишь разрешение восстановить торговые отношения. Тяжелая военная кампания, сопряженная с военными потерями и гибелью младшего брата делала невозможным для Галдана пойти на такие унижительные требования китайского императора. В свою очередь джунгарский хан требовал от китайских властей, чтобы ему были выданы «Джебдзун-Дамба-хутухта и Тусету-хан с товарищами, которые всему злу начинатели, весьма противны». В этом Галдана всецело поддержал регент Сангье Гьяцо, который через своего представителя Шамбапин-хамбо передал, что «всему животному немалая может быть польза, ежели Тушету-хан и Джебдзун-Дамба-хутухта будут пойманы и отданы Галдану, и что он в том ручается, что их здоровья повреждены ничем не будут» [Златкин 1964: 186]. Летом этого 1689 г. положение Галдана значительно усугублялось тем, что в Джунгарию вторгся его племянник Цэван-Рабдан.

Таким образом, ойрато-монгольская война 1687–1688 гг. привела к тому что император Канси сумел остаться над схваткой в роли беспристрастного арбитра. Не выступив на стороне монголов, он позволил Галдану разгромить их, чтобы

заставить их принять подданство Цинской империи. Канси получил предлог для покорения Халхи под видом ее защиты от Галдана.

Глава 3. Ойрато-маньчжурская война (1690-1697 гг.).

3.1. Принятие Тушэту-ханом маньчжурского подданства и начало ойрато-китайской войны. Подготовка к Долоннорскому съезду

1 октября 1688 г. Тушэту-хан обратился к императору Канси: «Управляемые нами на протяжении многих поколений [люди] и присоединившиеся нойоны, [...] совместно просят о том, чтобы перейти и подчиниться императорскому дому, почтительнейше умоляют [императора] проявить щедрую милость и без промедления спасти их». Также и Джебдзун-Дамба хутухта в своем письме писал, что все его родственники и народ «выражают желание подчиниться мудрому и мирному управлению императора» [Ермаченко 1984: 136].

Доклад, составленный чиновниками Лифаньюаня на основании обращений Тушэту-хана и Джебдзун-Дамба-хутухты, по приказу императора был обсужден на совещании Государственного совета, который решил: «Следует принять [халхов] и дать [им] пропитание, устроить их». 22 октября 1688 г. эмиссар императора Канси Арани прибыл в кочевье Тушэту-хана и Джебдзун-Дамба-хутухты, где получил от них вторичное изъявление перейти в цинское подданство после чего поручил им представить списки людей последовавших за ними, переходящих вместе со своими правителями в подданство китайского императора. Как оказалось, на границе с Китаем к тому времени находилось более 30 тайшей, 600 лам и банди, 2 тыс. дворов и 20 тыс. простолюдинов [Ермаченко 1984: 137].

Получив еще одно официальное подтверждение того, что Тушэту-хан и Джебдзун-Дамба-хутухта готовы войти в состав Цинской империи, Государственный совет по приказу Канси принял решение принять Халху в китайское подданство. Положение осложнялось тем, что Канси готовил наступление в Приамурье, которое состоялось летом 1689 г. Поэтому Канси предпринял попытку удержать Галдана от дальнейших военных действий в Халхе дипломатическим путем и до осени 1689 г. император ограничивался только раздачей продовольствия и скота бедствующему халхаскому населению, чтобы не

допустить беспорядков на занятых бедствующими халхасцами пограничных с Цинской империей территориях.

Пассивная политика Канси была связана с тем, что он в условиях войны с Россией, опасаясь возникновения союза между Русским государством и Джунгарией. Известно, что Москва оценила вторжение Галдана в Халху, как «благоприятный факт», который создавал благоприятную дипломатическую и военную ситуацию для России. 13 сентября 1688 г. в Тобольск была послана грамота к тобольскому воеводе Ф. А. Головину, которая предписывала ему сообщить Галдану о «благожелательной позиции» русского правительства относительно ойратского наступления в Халхе. 3 июля 1689 г. Галдану была послана грамота, в которой его просили не начинать мирные переговоры с Тушэтуханом и Канси, пока не начнутся мирные русско-китайские переговоры [Модоров 2009: 35].

Мирный договор между Китаем и Россией, заключенный 27 августа 1689 г. в г. Нерчинске, дал старт грядущему джунгарско-китайскому конфликту. С этого периода Канси имел все возможности, чтобы решительно вмешиваться во внутренние дела Халхи и подчинить ее себе. Канси приказал разделить халхасцев на пять округов (лу). Важное значение имело обещание Канси переселить халхасцев на прежние земли после завершения «дел» с Галданом. Это означало, что Цины официально заявили о своих притязаниях на территорию Халхи и о намерении добиваться их осуществления именно в борьбе с джунгарским ханом.

С середины 1690 г. война за Халху вступила в новую фазу: в борьбу против Галдана открыто включились китайские войска. Канси направил Галдану послание, в котором указал на причины войны против него: «Ты, осмелился поднять войска <...> и пошел войною против Халхи. Поэтому я послал шаншу⁵ Арани оборонять нашу территорию от беспорядков» (цит. по: [Модоров 2009: 36]).

Следующим шагом в китайского императора в борьбе против Галдана после достижения мира с Россией стал перевод китайских войск на границу с Халхой.

---

⁵ Шаншу — высшая чиновничья должность, министр в Цинском Китае.

Эта передислокация была вызвана известием об обострении в Джунгарии междоусобной борьбы за ханский трон и ослаблением позиций Галдана в стране. Во время вторжения Галдана в Халху его племянник Цэван-Рабдан захватил власть в Джунгарии, «расстроил стан Галдана, захватил его жену, детей, людей и много скота, через что Галдан был значительно обессилен» (цит. по: [Моисеев 1991: 60]). Это было связано с тем, что после того как Галдан увел войска, казахи вернулись на свои старые кочевья по рекам Чуя и Талас и подвергли жестокому разорению все приграничные улусы Джунгарского ханства. Нападения казахов, вкупе со всеобщим недовольством авторитарным правлением Галдана со стороны нойонов и зайсангов, а также прекращение китайской торговли привели к тому, что личность нового претендента на ханство Цэван-Рабдана оказалась более привлекательной в глазах населения Джунгарского ханства [Моисеев 1991: 57]. Своим успехом Цэван-Рабдан был обязан не только своим личным талантам и сложившейся конъюнктуре, но и тайной поддержке со стороны императора Канси. Захватив Джунгарию, Цэван-Рабдан отправил послов в Тибет, которые уведомили Сангье Гьяцо, о том что он сделал это чтобы покарать Галдана [Кычанов 2005: 79]. У Галдана не осталось пути к отступлению. Сын умершего к тому времени Дзасакту-хана Цэвэнжав (1688-1732 гг.) бежал от Галдана и в 1690 г. появился на границе с Китаем и стал подданным императора Канси. По сути, с момента появления на исторической сцене Цэван-Рабдана Галдан был обречен на поражение.

Стремясь избежать грядущего столкновения с Цинской империей Галдан безуспешно пытался заключить мир на своих условиях требуя выдать ему Тушетухана и Джебдзун-Дамба-хутухту, а также установления джунгаро-китайских торговых отношений. В этих непростых условиях Сангье Гьяцо до последнего пытался спасти Галдана. В январе 1690 г. тибетский посланец Джирун-хутухта встретился с Галданом и обещал ему поддержку Далай-ламы V. Тибетские посланцы делали все возможное, чтобы примирить Галдана с Тушэту-ханом и императором Канси. Но Канси зная, что Галдан потерял Джунгарию, уже не шел на компромиссы. Он открыто обвинил Тибет в сговоре с Галданом [Кычанов 2005:

79]. Регент Сангье Гьяцо, который все эти годы действовал от имени умершего Далай-ламы, был ответственным за политические дела Тибета с монголами и Цинской империей, когда поддержал Галдана в его вторжении в Халху. Возможно, что он призывал Галдана продолжать свою борьбу даже после того, как халхасцы перешли под защиту Канси, сознательно провоцируя прямое столкновение между ойратами и Цинской империей. По мнению Сангье Гьяцо, переход халхасцев в цинское подданство создавал угрозу для влияния Тибета на монголов [Schwieger 2015: 76].

Осознавая недостаточность своих сил для одновременной борьбы с Цинской династией и со своим племянником, Галдан пытался заручиться поддержкой России. В январе 1690 г. в Иркутск прибыл посол, который оповестил, что Галдан обосновался на урочище Кобдо и просит помощи русских войск в совместной борьбе с Тушэту-ханом на реке Керулен. На что русский посол Ф. А. Головин пообещал поддержать джунгарского хана в его борьбе против Тушэту-хана [Модоров 2009: 37].

Лето 1690 г. прошло в военных столкновениях Галдана с цинскими войсками. Галдан со своими войсками впервые вторгся в пределы Внутренней Монголии (аймак Удзумчин), которая уже давно входила в состав империи Цин. В июле 1690 г. Канси, получив известие о нападении Галдана на Кунделен-Бошогу, приказал маньчжуро-монгольской войску под командованием Арани выступить против него. 26 июля 1690 г. в сражении на р. Урхуй Галдан разгромил 100-тысячную армию Арани. После сокрушительного поражения император письмом пригласил Галдана прийти на урочище Улан-Бутун для переговоров. Воодушевленный победой джунгарский хан согласился на встречу и выдвинул Канси целый ряд условий. Главным условием мира, выдвинутым Галданом, было требование выдать ему или казнить Тушэту-хана и Джебдзун-Дамба-хутухту, либо отправить их к Далай-ламе. Кроме того, Галдан требовал, чтобы Канси выдал за него замуж свою дочь [Златкин 1964: 189].

Согласие Галдана на эту встречу было его главной тактической ошибкой всей кампании. К урочищу Улан-Бутун, которое оказалось для него ловушкой, были

скрытно переброшены маньчжурские войска, которые лишили его маневра и вынудили вступить в невыгодное генеральное сражение. 1 августа Галдан был принужден вступить в битву, которая определила исход военной кампании 1690 г. Понеся огромные потери в ночь на 5 августа Галдан, чтобы избежать полного разгрома, ушел на север и вступил в дипломатические переговоры с цинским правительством [Модоров 2009: 128].

3.2. Долоннорский съезд и подготовка Цинской империи к окончательному разгрому Галдана

Зримым доказательством крушения всех планов Галдана стал Долоннорский съезд. Воспользовавшись поражением Галдана, Канси приступил к подготовке съезда монгольских князей для вхождения халхасцев в состав Цинской империи. В феврале 1691 г. он обратился к членам Государственного совета с приказанием разрешить халхаские дела. Он также объявил о своем желании лично присутствовать на съезде, чтобы сделать более сговорчивым Тушэту-хана и Джебдзун-Дамбу хутухту. Присутствие императора поднимало престиж съезда в глазах Галдана и русского правительства. В апреле 1691 г. Канси окончательно утвердил место проведения съезда и порядок сбора на него халхаских феодалов. Съезд предполагалось провести в окрестностях оз. Долоннор.

В итоге, военный поход Галдана в Халху окончился весьма печально. Ойратские тайши Куку-нора не поддержали его, а возвращению в Джунгарское ханство препятствовал его племянник Цэван-Рабдан. Халха находилась в разоренном состоянии, а его надежда на помощь России также не оправдалась. Военное поражение при Улан-Бутуне привело к тому, что Халха полностью перешла в подчинение Китайской империи. Пристанищем Галдана оказалась территория местности Кобдо, где еще сохранялась его власть.

Церемония принятия халхасов под власть маньчжуров совершилась в местности Долоннор (Долоннорский съезд) в 1691 г. в присутствии маньчжурского императора Канси, после чего Северная Монголия потеряла свою самостоятельность. Съезд закрепил новую систему отношений в монгольском мире принятием цинского уложения. В 1696 г. было принято уложение императора Канси, которое полностью решало проблемы единого правового регулирования всех находящихся к тому времени под властью маньчжуров монгольских народов. Принятие нового крупного нормативного правового акта было вызвано включением территории Халхи в состав империи Цин [Дудин 2016: 22].

В это время положение Галдана было весьма затруднительным. От основной территории Джунгарского ханства он был отрезан Цэван-Рабданом. Нойоны Кукунора оставались враждебными к нему, даже в период его военных успехов. Халха была разорена, а подвластное население ушло в Китай или рассеялось степям. Власть Галдана была ограничена пределами района Кобдо. Перед Галданом встали два пути: прекратить борьбу или продолжить действия для захвата Халхи. И он избрал последний путь. Осенью 1692 г. Галдан отправил послов с письмом в Пекин. В этом послании наряду со старыми требованиями о выдаче ему Тушетухана и хутухты Галдан впервые поставил вопрос о возвращении халхаских нойонов и их подвластных аратов в Халху, игнорируя решение прошедшего Долоннорского съезда.

Нам трудно сказать, насколько такое решение Галдана было оправданным, но можно предположить, что немалую роль здесь сыграл Тибет. В условиях практически полного окружения Тибет оказался его единственной идеологической опорой и источником материальных ресурсов. При поддержке тибетских иерархов Галдан сумел сохранить свою власть над своими подданными и пополнить свою казну. Тибетские иерархи также активно, хотя и безуспешно, пытались помирить Галдана с его племянником Цэван-Рабданом.

Таких попыток примирения было две. Так, в письме Далай-ламы в Пекин, полученном в феврале 1693 г., сообщалось: «А понеже элетов большая половина с Цэван-Рабданом соединились, то хотя я и писал, чтоб они друг с другом поступали так, как того добрая дружба требует, но элеты на то не согласились». В 1695 г. Сангье Гьяцо от имени Далай-ламы V снова посылал своих эмиссаров для примирения Галдана и Цэван-Рабдана. Также он предлагал присвоить им обоим по ханскому титулу. По мнению И. Я. Златкина, это свидетельствует о том, что существовал план раздела Джунгарского ханства государства на две части: западную во главе с Цэван-Рабданом и восточную во главе с Галданом [Златкин 1964: 198].

Дерзкое требование Галдана о возвращении ему халхасов стало основанием для продолжения военных действий. Претензии Галдана на Халху были

отвергнуты цинским правительством, что стало сигналом для активной подготовки в будущем сражениям. Канси развернул небывалую по масштабам мобилизацию войск и материальных ресурсов в Китае, а Галдан занимался дипломатическими отношениями переманивая на свою сторону нойонов Халхи и Внутренней Монголии, суля им различные выгоды и ссылаясь на поддержку Далай-ламы. В своих действиях Галдан проявил немалую изобретательность и находчивость, развернув масштабную деятельность по пропаганде себя как «защитника веры». Для этого Галдан посылал к монголам многочисленных тайных агентов и буддийских священнослужителей. Так, в 1695 г. была раскрыта организация, возглавлявшая восьмью ламами и насчитывавшая более 200 человек. Однако, надежда на авторитет Далай-ламы и религиозное рвение халхасов, во многом, оказались тщетными. Хотя сам Галдан не терял надежды, вполне обоснованно предполагая, что рано или поздно насаждаемые маньчжурами порядки будут вызывать все большее недовольство среди халхасов.

Таким образом, положение для обеих сторон осложнялось тем, что военно-политическая ситуация сложилась патовая для обеих сторон. Галдан оказался замкнутым в границах небольшой территории по р. Кобдо-Гол, а Канси не мог добраться до него с военной силой. Поэтому на протяжении долгого времени Канси пытался повторить свой успех при Улан-Бутуне и приглашал Галдана перекочевать ближе к границам, к местам сосредоточения цинских войск, соблазняя его наградой 60 тыс. лан серебра и обещая разрешить торговлю ойратов в Китае. Однако Галдан был «по природе своей не токмо разумен есть <...> Он о том весьма сожалел, что зашел в столь дальнее местечко Улань-Бутун и там несчастливую войну имел» и на уговоры не поддавался, но и сидеть вечно в Кобдо не мог [Златкин 1964: 141]. Кочевые места Кобдо не могли выдержать такой нагрузки на пастбища, поэтому летом 1695 г. Галдан вместе с 20 тыс. воинов выступил в верховья Керулена и Толы. Хотя и там материальное положение его подвластных людей, которые с момента поражения при Улан-Бутуне испытывали постоянную нехватку продовольствия, не сильно улучшилось. Убедившись в том, что Галдан не намеревается поддаваться уговорам, Канси принял решение о наступлении на него.

Для этого надо было направить войска через пустыню Гоби, организовав в трудных условиях соответствующие службы снабжения, связи и т.п. Предвкушая победу Канси решил лично возглавить войска для похода на Галдана.

3.3. Гибель Галдана как итог ойрато-китайского противостояния

В конце февраля 1696 г. китайские войска двинулись в путь к месту расположения Галдана. Строжайшие меры секретности привели к тому, что Галдан долгое время не знал о приближении китайских войск. Только в последний момент он отдал приказ об отходе с берегов Керулена. 10 мая войска Цинов заняли ставку Галдана, где нашли свидетельства поспешного бегства ойратского войска. Военнопленные сообщали о начавшемся разладе в самом штабе Галдана между ним и его ближайшими сподвижниками. Многочисленные проблемы со снабжением, а также длительное сидение на одном месте подорвали моральное состояние ойратских войск. О чем свидетельствовали многочисленные беженцы и дезертиры. 13 мая на р. Терельджи 10-тысячные войска Галдана были встречены китайской армией под командованием армией Бе Фянь-гу. В недолгом сражении ойраты потерпели сокрушительное поражение перед лицом численно превосходящего противника. Сам Галдан с группой приближенных бежал на запад.

19 мая Канси с основной массой своих войск тронулся в обратный путь. Допуская, что Галдан в поисках спасения может направиться в Куку-нор, император послал тамошним владетельным князьям строгий указ, требовавший, чтобы они, увидев Галдана, его схватили и немедленно передали в руки цинских властей. Более того, захваченные документы в ставке Галдана и показания военнопленных привели Канси к мысли о том, что Тибет давно выступает на стороне Галдана. В июне 1696 г. он направил послание лично регенту Сангье Гьяцо, где прямо обвинял его в поощрении военных замыслов Галдана, действовавшего якобы от имени и по поручению Далай-ламы.

В июле 1696 г. Галдан вернулся в район р. Тамир, куда постепенно прибыли и его ближайшие сподвижники. Но на почве возникших разногласий, почти все они покинули его ставку вместе со своими подвластными. К осени, испытывающий неимоверные трудности в продовольствии и скотом, Галдан остался в окружении всего нескольких сотен человек. В этих условиях Галдан решил в следующем году уходить в Хами. В январе 1697 г. в районе Хами был захвачен сын Галдана Цебден-

Бальжир, посланный им туда для переговоров. Несмотря на безвыходность положения, он все же упорно отклонял предложения о капитуляции, которые ему делал Канси ожидая новостей от сына. Возможно, что Галдан надеялся на помощь из Лхасы. Известно, что благодаря усилиям Тибета Цэван-Рабдан внезапно передумал идти в поход на ненавистного ему Галдана.

Император Канси издал указ прервать все пути сообщения Галдана Бошогту-хана, послал послов к Цэван-Рабдану и вanam Турфана, Хами, Яркенда и других земель, которые предписывали им не вступать в отношения с Галданом и схватить его при любой возможности. Также он расставил войска на всех важных укреплениях и проходах, а также в местах караула, проходящих через Алашань, Эдзин, Куку-нор и Тибет, тем самым прервав все пути сообщения для Галдана.

Перед своим отправлением император Канси оставил указ своим чиновникам Алантаю и Суртэ, в котором предписывал им не преследовать подвластных Галдана и даже выплачивать им награду. Для этого была составлено письмо, которое напечатали на двух языках: маньчжурском и монгольском, в количестве 300 экземпляров. В ноябре он получил известие о том, что поданные Галдана Бошогту-хана Хэли Гуинг и еще более двадцати человек хотят обсудить письмо. Император Канси, узнав об этом, решил, что за этим стоит сам Галдан, который наконец-то согласится принять подданство Цинской империи. 25 ноября Хэли Гуинг прибыл в Ордос и встретился с императором Канси. Однако, он был разочарован, когда узнал, что Хэли Гуинг привез очередные требования Галдана вернуть ему халхасов. На этой почве Канси потерял над собой контроль и он в резких тонах высказал послу все, что он думает о Галдане и его требованиях. Успокоившись Канси приказал сопровождать Хэли Гуинга обратно к Галдану и выдать ему письмо от императора. В письме говорилось, что Галдан должен принять подданство Цинской империи и что если Галдан не ответит ему в течение 70 дней, то он отправит войско против Галдана. Затем Канси вернулся в Пекин [Namsarai 1987: 50].

Осенью, когда Галдан и его поданные кочевали в поисках еды, они достигли Бэгэр Цаган Орго. Галдан хотел отправиться в Хами, но его поданные, которых он

туда отправил, не прислали ему никакого ответа, и он решил не отправляться в Хами. Поэтому он прибыл в Сагсу Тугуриг, так как это было хорошее место для охоты. В январе 1697 года туда прибыл человек по имени Манж с письмом от Канси. Галдан, прочитав письмо, не согласился с предложением императора.

30 января туда прибыл Хэли Гуинг и сказал, что он прибыл вместе с людьми от императора Канси, и что они привезли от него письмо, но люди императора Канси не могли проехать туда без разрешения Галдана. В итоге Галдан разрешил им проехать и встретиться с ним. Они обсудили письмо императора и Галдан дал им письмо для императора и приказал своим людям сопровождать их. В письме говорилось, что Бошогту-хан не согласен с указаниями императора, и что Канси должен вернуть людей Галдана, которых он когда то схватил.

В марте 1697 г. Канси направил Галдану еще одно послание с предложением сдаться. Но это послание уже не застало Галдана в живых. 3 марта Галдан услышал рядом с Сагсу Тугуриг звуки выстрелов и решил, что это войско Цинской империи. Поэтому он перекочевал в место под названием Хасагту Хар Ажирган. Он приказал своим людям осмотреть окрестности и узнать, правда пришло войско или нет. Его люди осмотрели, но никого не было, и Галдан успокоился. Через некоторое время Галдан со своими поданными перекочевал к озеру Эхэ Алар. Когда они прибыли туда, Галдан созвал совет, на котором приняли решение остаться и подождать новостей из Хами. Долгое отсутствие новостей от сына, сильные переживания и напряженная обстановка привели к ухудшению его здоровья. Совместные усилия личного врача и буддийского священнослужителя ни к чему не приводили. Утром 13 марта 1697 г., находясь в урочище Ача-Амтатай, он занемог, а к вечеру того же дня, на 54 году жизни, умер [Namsarai 1987: 54].

Перед его приближенными встал вопрос о погребении тела Галдана. Первоначальные планы тайного захоронения были отвергнуты, когда его помощник Данжила, который заботился о дочери Галдана сказал, что если тело Галдана будет доставлено в «земли Далай-ламы, то его душа будет спокойна». В ночь на 14 марта его труп был предан сожжению. Данжила вместе с прахом Галдана, с его дочерью и 300 человек сопровождения отправился в Хами. Но

Цинская империя перекрыла все пути, и они не смогли пройти дальше. Не желая, чтобы прах покойного хана попал в руки цинской империи Данжила решил передать его Церингдондубу, приближенному Цэван-Рабдана. Вместе с ним в Джунгарию также ушли все нойоны, гелюнги, врач Галдана и сопровождающие, чтобы прибыть ко двору Цэван-Рабдана. Сам Данжила, видимо из-за неприязненных отношений с Цэван-Рабданом, отправился в Хами, а оттуда 28 июня отправился в Цинскую империю [Namsarai 1987: 56].

Сам Канси считал, что Галдан покончил жизнь самоубийством, о чем в своем письме к сыну писал: «Галдану случилась смерть от принятого им ядом исполненного зелия <...> Но токмо того жаль, что Галданево тело сожжено. А однако ж только б мы одну его сухую голову видеть могли, хотя б он и совсем цел был, прежде сего и У Саньгуево тело также сожжено было, однако оное потом на лобном месте в ступе истолчено и по всем рынкам рассеяно. И тако сего закону мы уже переменить не можем» (цит по: [Митиров 1998: 137]).

В связи с успешным завершением военной кампании против Галдана император Канси по инициативе Министерства церемоний (Либу 禮部) приказал провести праздничные мероприятия, в рамках которых планировалось провести обряды жертвоприношений в Храме Неба, Храме Земли, Храме императорских предков, духам и покровителям государства, на кладбищах Юнмин, Чжаолин, на историческом кладбище, в Зале Чжаньланьфэн, на местах захоронений императриц Жэньсяо, Сяочжао, Сяои, а также духам гор, морей и рек. Кроме того император приказал исторической комиссии составить исторический труд об «умиротворении Севера» в память о блестящей победе Китайского государства. [Китайские документы и материалы ... 1994: 59].

Смерть Галдана положила конец военным действиям. Цинская империя победила. Халха вошла в ее состав, но Джунгарское ханство продолжало существовать как самостоятельное монгольское государство.

Заключение

Галдан Бошогу-хан навсегда остался в истории как просвещенный государь и законодатель. Он дополнил «Степное Уложение», составил новую систему феодального разделения земель, ограничил власть ойратских феодалов. При Галдане довольно успешно развивались взаимоотношения ханства с соседней Россией. Но Русское государство, в силу малочисленности населения в приграничных с Джунгарией районах, не могло обеспечить потребности ойратов в сельскохозяйственной и ремесленной продукции. Что касается империи Цин, то она проводила политику ограничения торговли с кочевниками, используя ее как средство политического давления. Поэтому основными объектами внешней политики Галдана стали княжества Восточного Туркестана. Воспользовавшись борьбой между религиозными группировками в Восточном Туркестане, Галдан в 1680 г. присоединил к Джунгарскому ханству этот богатый и развитый земледельческий край.

Получив твердую экономическую базу снабжения в Восточном Туркестане и видя в империи Цин опасного противника, Галдан-хан решил укрепить положение своего государства за счет присоединения Халха-Монголии. В 1690 г. это привело его к открытому столкновению с империей Цин, боявшейся усиления Джунгарского ханства. Во многом причины противоречий между Галданом и цинским Китаем крылись в концепции «буддийского правления». Эта концепция понималась Галданом как «правление, следующее учению Далай-ламы» или «правление, следующее учению школы Гелуг». В глазах Галдана управление ойратами, монголами и тибетцами должно было осуществляться только в рамках учения Гелуг, ревностным защитником которого он стал.

Приведенные сведения убедительно свидетельствуют, что Галдан Бошогу-хан пользовался поддержкой влиятельных кругов буддийской церкви Тибета, которые стремились к образованию объединенного независимого монгольского феодально-теократического государства под эгидой Далай-ламы. Тибет активно поддерживал Галдана на всех этапах его деятельности, поставив ему на службу

многочисленное духовенство в Джунгарском ханстве, Халхе и Внутренней Монголии разных степеней и рангов, используя в этих же целях огромное религиозное влияние, а также снабжая его денежными средствами. Без значительной помощи Тибета Галдан не смог бы так быстро овладеть Восточным Туркестаном, разгромить Тушету-хана и его союзников, а после понесенных поражений продержаться почти целое десятилетие.

Тибетские иерархи были категорически против подчинения халхасов Китаю, и когда Канси сумел добиться первых успехов на поприще усиления влияния на Халху, это стало причиной войны между Галданом и Канси. Регент Сангье Гьяцо, который все эти годы действовал от имени умершего Далай-ламы V, был ответственным за политические дела Тибета с монголами и Цинской империей. И он поддержал Галдана в его вторжении в Халху. По мнению Сангье Гьяцо, переход халхасцев в цинское подданство создавал угрозу для влияния Тибета на монголов. По всей видимости, немалая доля ответственности за вторжение Галдана в Халху, и последовавшую за ним ойрато-китайскую войну, лежит на регенте, который сознательно провоцировал прямое столкновение между ойратами и Цинской империей. Так, 1678 г. Далай-лама не просто назвал Галдана ханом, но и силой своей сакральной власти предоставил ему лидирующее положение среди всех ойратов и монголов в целом. В этой борьбе концепция «буддийского правления» потерпела крах в лице его главного выразителя — Галдана Бошогу-хана.

Планы Галдана встретили решительное противодействие маньчжурской знати во главе с императором Канси, который раньше своих сановников и советников понял, какая грозная для интересов династии опасность таится в действиях Галдана. Решающей причиной, обусловившей поражение Галдана, было то, что ему даже с помощью буддийской церкви не удалось объединить вокруг себя и своей программы большинство монгольских владетельных князей. Более того, в результате его чрезмерно прямолинейной и деспотической политики в числе открытых врагов Галдана оказался Цэван-Рабдан, который фактически изгнал его из Джунгарского ханства и тем лишил надежного тыла; по этой же причине Галдан не сумел привлечь на свою сторону нойонов Куку-нора, активная поддержка

которых могла бы коренным образом изменить обстановку в его пользу, значительно увеличив людские и материальные ресурсы, обеспечив надежные коммуникации с Лхасой. Само по себе патронирование буддизма не давало ему гарантий стабильности экономики Джунгарского ханства, обеспечения преемственности его собственной власти и военных побед.

Победа Галдана над Тушэту-ханом в 1688 г. привела к тому, что Тушэту-хан и Джебдзун-Дамба-хутухта обратились к маньчжурскому императору с просьбой принять их с людьми в подданство. Однако цинское правительство дистанцировалось от конфликта между ойратами и халхасами, используя только дипломатические способы, но столкнулось с твердой позицией ойратского правителя. Так, джунгарские послы передали цинскому правительству заявление Галдана, что в случае если Джебдзун-Дамба-хутухта изъявит желание перейти под власть китайского императора, то маньчжурским властям следует либо не принять его, либо схватить и выдать Галдану. В этом Галдана поддержал регент Санги Гьяцо. В ответ Канси отправил в конце 1688 г. посольство к Галдану, которое привезло ему свои условия для прекращения войны в Халхе. Галдан должен был «смириться» и получить в обмен право на торговлю с Китаем.

Во время вторжения Галдана в Халху его племянник Цэван-Рабдан захватил власть в Джунгарии. Это было связано с тем, что после того как Галдан увел войска приграничные улусы подверглись жестокому разорению со стороны казахов [Кляшторный 1992: 307]. Нападения казахов, вкупе со всеобщим недовольством авторитарным правлением Галдана со стороны нойонов и зайсангов Цэван-Рабдан оказался тем, кто сумел сплотить население Джунгарского ханства в его желании мира. Благоприятная для китайского государства военно-политическая обстановка в Халхе была создана императором Канси исключительно дипломатическими усилиями.

В итоге, военный поход Галдана в Халху окончился для него плачевно. Галдан переоценил свои силы, рассчитывая при поддержке отрядов Дзасакту-хана и других халхаских князей — его союзников, не только разгромить противников в Халхе, но и отстоять завоеванное в борьбе против Цинской империи. Военное

поражение при Улан-Бутуне привело к тому, что Халха полностью перешла в подчинение Китайской империи, а сам Галдан погиб. Хотя смерть Галдана положила конец военным действиям, но Джунгарское ханство продолжало существовать как самостоятельное монгольское государство.

Список использованной литературы и источников

Батмаев, М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII-XVIII вв. / М. М. Батмаев. – Элиста: АПП «Джангар», 2002. – 400 с.

Боронин, О. В. Двоеданничество в Сибири. XVII – 60-е гг. XIX вв. / О. В. Боронин. – Барнаул: Азбука, 2002. – 220 с.

Дудин, П. Н. Генезис монгольского права и его взаимодействие с китайским правом (XIII в. — начало XX в.) / П.Н. Дудин // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – № 1. – С. 21–36.

Ермаченко, И. С. Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в. / И. С. Ермаченко. – М.: Главная редакция вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1984. – 196 с.

Златкин, И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758) / И. Я. Златкин. – Москва: «Наука», 1964. – 332 с.

Гомбожапов, А. Д. Политика империи Цин в Центральной Азии (историографический обзор) / А. Д. Гомбожапов // Власть. – 2015. – №6. – С. 197–201.

История Монгольской Народной Республики. – М.: Наука, 1967. – 536 с.

Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV-XIX вв. / Отв. ред. Г. С. Садвакасов. – Алматы: Гылым, 1994. – 272 с.

Китинов, Б. У. Священный Тибет и воинственная степь: буддизм у ойратов (XIII - XVII вв.) / Б. У. Китинов. – Москва: Изд-во научных изданий КМК, 2004. – 190 с.

Кляшторный, С. Г. Казахстан: летопись трех тысячелетий / С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов. – Алма-Ата: «Рауан», 1992. – 382 с.

Кузьмин, С. Л. Буддизм и государственность Монголии в начале XX в.: трансформация отношений религии и государства в процессе становления независимости: дисс. ... док. ист. наук: 07.00.03 / С. Л. Кузьмин. – М.: Институт востоковедения РАН, 2016. – 584 с.

Кушнерик, Р. А. Русско-джунгарские дипломатические отношения (начало XVII – 50-е гг. XVIII в.) / Р. А. Кушнерик. – Барнаул: изд-во АГУ, 2008. – 267 с.

Кычанов, Е. И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров) / Е. И. Кычанов. – СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. 364 с.

Кычанов, Е. И. Повествование об ойратском Галдане Бошокту-Хане / Е. И. Кычанов. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. – 208 с.

Кычанов, Е. И. История Тибета с древнейших времен до наших дней / Е. И. Кычанов, Б. Н. Мельниченко. – М.: Вост. лит., 2005. – 351 с.

Митиров, А. Г. Ойраты-калмыки: века и поколения / А. Г. Митиров. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. – 384 с.

Модоров, Н. С. Народы Саяно-Алтая и Северо-Западной Монголии в борьбе с Цинской агрессией. 1644-1758 гг. / Н. С. Модоров, В. Г. Дацышен. – Горно-Алтайск–Красноярск: Б. и., 2009. – 90 с.

Моисеев, В. А. Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.) / В. А. Моисеев. – Алма-Ата: Гылым, 1991. – 238 с.

Мясников, В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. / В. С. Мясников. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1987. – 512 с.

Санчиров, В. П. Новый источник на «Ясном письме» по истории Джунгарского ханства (1635–1758) / В. П. Санчиров // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2014. – С. 8–13.

Санчиров, В. П. Об ойратском историческом сочинении «История о том, как управляли государством владыки Чингиса и поддерживали ханское правление» / В. П. Санчиров // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2015. – С. 8–13.

Сидихменов, В. Я. Маньчжурские правители Китая / В. Я. Сидихменов. – Минск: Миринда, 2004. – 448 с.

Скрынникова, Т. Д. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия. XVI начало XX вв. / Т. Д. Скрынникова. – Новосибирск: «Наука» Сибирское отделение, 1988. – 104 с.

Очирын, Оюнжаргал. Ойраты в политике маньчжурской династии Цин / Оюнжаргал Очирын. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского науч. центра СО РАН, 2015. – 240 с.

Раднабхадра. «Лунный свет»: История рабдхам Зая-пандиты / Раднабхадра. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. – 176 с.

Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. – Т. 2. – 1686–1691. – М.: «Наука», 1972. – 760 с.

Хишигжаргал, Г. Исторические условия потери независимости Монголии в XVII–XVIII вв. / Г. Хишигжаргал // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2015. – С. 17–24.

Цонгоол, Б. Нацагдорж. Исторические корни двух бурятских походных песен: новые данные к этнической истории бурят XVII в. / Б. Нацагдорж Цонгоол // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2011. – №2. – С. 38–49.

Чернышев, А. И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. / А. И. Чернышев. – М.: «Наука» Гл. редакция вост. лит-ры, 1990. – 138 с

Чертыков, М. А. Этнополитическая ситуация на территории Хонгорая в XVII – начале XVIII в. / М. А. Чертыков // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – №320. С. 123-126.

Чимитдоржиев, Ш. Б. Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII–XVIII вв. / Ш. Б. Чимитдоржиев. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2002. – 216 с.

Ishihama, Yumiko. The Conceptual Framework of the dGa'-ldan's war based on the beye dailame wargi amargi babe necihiyame toktobuha bodogon i bithe.-Buddhist Government in the Tibet-Mongol and Manchu relationship / Yumiko Ishihama // Tibet and Her Neighbours A History. – London: Edition Hansjorg Mayer, 2003. – Pp. 157–165.

Menggu zu tongshi. «Neimenggu shekeyuan lishi suo menggu zu tongshi» bianxie zu. Zhong ce/minzu chubanshe. – Huhehaote, 1989. – 75 pp. / 蒙古族通史. " 内蒙古社

科院历史 所"蒙古族通史"编写组. 中册/民族出版社.呼和浩特, 1989. (Общая история монголов. Институт истории Академии общественных наук Внутренней Монголии, Китайский буклет / Национальный издательский дом. – Хух-Хото, 1989. – 75 с.)

Millward, James A. Eurasian Crossroads: A History of Xinjiang / James A. Millward. – New-York: Columbia University Press, 2007. – 423 pp.

Namsarai. Galdan Bošogtu / Namsarai. – Kökeqota, 1987. – 60 pp. (Намсарай. Галдан Бошогту. – Хух-Хото, 1987. – 60 с.).

Perdue, Peter C. China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia / Peter C. Perdue. – Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2005. – 725 pp.

Perdue, Peter C. Military Mobilization in Seventeenth- and Eighteenth-Century China, Russia and Mongolia / Peter C. Perdue // Modern Asian Studies. – 30. – No. 4 (1996). – P. 757-93.

Schwieger, Peter. The Dalai Lama and the Emperor of China: A Political History of the Tibetan Institution of Reincarnation / Peter Schwieger. – New-York: Columbia University Press, 2015. – 352 pp.